

Милорад Павич
Семь смертных грехов

«Семь смертных грехов»: Амфора; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-367-01369-6

Аннотация

Составленную из нескольких новелл книгу «Семь смертных грехов» Милорад Павич (1929–2009) считал неделимым романом. Словно в волшебном зеркале с дыркой, здесь отразился дантовский «Ад», причудливый bestiary Босха и таинственные персонажи самого писателя. В настоящем издании представлена не публиковавшаяся ранее по-русски версия произведения.

Милорад Павич
Семь смертных грехов

Вступительное напоминание, или Как Иероним Босх изобразил

семь смертных грехов

Это ты? Входишь без стука и не здороваешься, а я ведь на полвека старше тебя. Но раз ты уже здесь, раз уж присел на стул, я тебе кое-что предложу. Посмотри в словаре, что значит слово *калем*...

Нет под рукой словаря? Я тебе помогу. У этого слова как минимум три значения:

1. Деревянная (или из какого-нибудь другого материала) катушка или шпулька, на которую наматывают нитки.

2. Веточка фруктового дерева, которую садовник прививает к дичку, чтобы его облагородить.

3. Перьевая ручка из надрезанной и заостренной на конце тростинки (последнее значение заимствовано из греческого).

Ну а теперь и я расскажу тебе кое-что об этом слове. Так же как в каждом клубке шерсти, намотанной на *калем*, сокрыта по меньшей мере одна пара варежек, а в *калеме* садовника — будущее яблоко, в *калеме*, который служит инструментом для письма, всегда припрятана какая-то ненаписанная история. Но такие плоды далеко не всякий раз рождаются на свет божий из своих *калемов*. Вот, например, ручка, которой я пишу эти строки, долго стояла в стакане из обожженной глины, и кроме цифр из нее никогда ничего не появлялось... Вплоть до одного вечера, когда я взялся за нее, чтобы записать пару фраз на книге, которую читал, лежа в кровати. И тут из ручки вытекло нечто такое, что меня испугало, — имя: Иероним Босх. И не только имя. За ним последовала и коротенькая история:

Как Иероним Босх изобразил семь смертных грехов

Писатель всегда покупает сережку безухому. Торгуется мыслями. Художник же хочет эти мысли увидеть. А человеческие мысли никогда не стоят на месте. Каких только мыслей нет, и кто знает, чьи они, зачем они, чьими они не были и чьими не будут, но приходится их терпеть. Есть мысли быстрые и необузданные, как табун лошадей, есть блудливые и кровожадные, как собачья свора. Одни медленные и злопамятные, словно стадо слонов, другие ненасытные и прожорливые, будто свиньи в загоне, а бывают и завистливые, как обезьяны. А уж сновидения! Там собрались все задние мысли, которые промелькнули в твоей голове наяву и поспешили удрать, словно стайка сребролюбивых сорок или рыб. Их теперь не собрать под одной шапкой, в одной голове. И вот уж бредут по берегу новые мысли, ленивые, как стадо буйволов... Словом, все семь смертных грехов роятся у людей в головах и ждут своего часа...

Но иногда, правда очень редко, случается и иначе. Покажется вдруг из чаши, как волшебный единорог, одинокая и чудесная мысль, взглянет на тебя и сразу забудет, а ты ее потом помнишь до скончания века.

Из одной такой мысли и родилась у Босха картина о семи смертных грехах. А мысль была грустной и истинной. Вот она:

Никто не смеется в моих снах.

Эта книга следует за мыслью Босха и за его картиной.

Любовное послание с острова Лесбос

Действие происходит в белградском театре «Джумрукана», что на берегу Савы, и на соседней вилле

Список семи смертных грехов открывает ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ. Данте помещает блудников и блудниц во второй круг «Ада», где он встретил знаменитых

любовников Паоло и Франческу. Впрочем, сластолюбцы блуждают и по его «Чистилищу». Иероним Босх представляет люботрастников в виде собачьей своры. А Шагал для изображения семи смертных грехов использовал символ астрологической руки с семью пальцами, каждый из которых соответствует одной из планет и одному из грехов. Следует уточнить, что Шагал берет для этой цели левую руку. У него, на этой астрологической руке, похоть символизирует большой палец, который, согласно древним верованиям, соотносится с Луной, одной из семи планет.

— Я знаю, Георгина, сегодня вечером ты пойдешь вовсе не в театр, как наврала маме и папе. Ты пойдешь заниматься любовью. Расскажи мне, на что это похоже с мужчинами?

— Не знаю.

— Опять врешь! А это правда, что у них между ног растет мох и из него фиолетовый гриб? И что женщины, когда хотят их любить, должны этот гриб съесть?

— Да замолчи же! Ты, Анджела, еще малявка и о таких вещах не имеешь никакого понятия. И ты, и эти сопляки, с которыми ты после уроков ходишь пить чай. Не удивлюсь, если они думают, что у тебя между ног растут перья. Что с них взять. И вообще, если хочешь знать, для этого дела нужны вовсе не мужчины.

— А что?

— Вот что. — Георгина раскрыла свою шелковую вечернюю сумочку в виде чайника и достала из нее мужской член из розоватого каучука. Помахала им под носом у сестры и прошептала: — Этим пестиком я уже два раза лишила себя невинности... Его зовут Петкутин. После него немножко шла кровь, но зато было так сладко! Я и опять собираюсь... Но ты в этих делах не разбираешься, поэтому лучше просто зашнуруй мне корсет. Опозываю...

Так болтали сестры Шербан, одной из них было восемь лет, а второй пятнадцать, ее-то и полагалось отвести в театр служанке Домазете, подождать в фойе, когда закончится представление, и после доставить домой, ведь Георгина была барышней весьма знатной.

По пути в театр служанка обратилась к хозяйке:

— Могу ли я, мадемуазель Георгина, кое-что у вас спросить?

— Почему-то сегодня вечером все что-то спрашивают. А я терпеть не могу вопросов... Спрашивай, только поскорее.

— Что происходит там, внутри, в театре, пока я жду вас?

Домазета была двадцатилетней девкой с быстрыми глазами, ленивой грудью и черными волосами, завязанными узлом, в который она для украшения втыкала длинную конфету в муаровом фантике.

— Ты что, никогда не была в театре, Домазета, ну, я имею в виду, ни разу не смотрела никакого спектакля?

— Не была и не смотрела, поэтому и спрашиваю.

— Э-э, театр — это такой дом, в котором каждый вечер умирает один и тот же артист. Иногда он может умереть раз сто.

— Не-ет, мадемуазель Георгина, вы меня обманываете. Такого быть не может!

— Может, потому что и сам театр каждый вечер умирает, причем уже тысячи лет...

Здесь самое время заметить, что мадемуазель Георгина действительно иногда обманывала. Но не служанку Домазету, а свою сестру. Дело в том, что в тот вечер она вовсе не собиралась заниматься любовью, а просто надеялась кое с кем встретиться. У молодого господина, который сидел рядом с ней во время представления, были прекрасные темные волосы, настолько мокрые от пота, что в них можно было разглядеть след гребня из козьего рога, которым он недавно причесался. Георгина видела его не впервые, хотя до сих пор не обменялась с ним ни единым словом. Прежде чем погас свет, он через пот улыбнулся Георгине и протянул ей программку спектакля, которую она забыла купить при входе в зрительный зал. Георгина поблагодарила его и сказала:

— Я заметила, что в театре вы всегда сидите рядом со мной. Как так получается?

— Очень просто. Мой камердинер ждет возле кассы, когда появится ваша служанка, и покупает билет сразу после нее, то есть всегда рядом с вами.

— Ясно. Но зачем?

— Мне нравится именно это место в партере.

— Если оно вам нравится, почему вы тогда потеете? Вы всегда потеете?

— Нет, вообще никогда. Я потею только в театре.

— Неужели артисты так на вас действуют?

— Не артисты.

— А кто же? Артистки?

— Это вы так действуете на меня. Кстати говоря, это вовсе не пот. Это моя сперма, которая проступает изо всех пор, когда я нахожусь рядом с вами.

— Что это такое, сперма?

— Вы не знаете, что такое сперма? Возможно ли?

— Впервые слышу это слово. Звучит как латинское название какой-нибудь болезни.

— Это слово греческое, а не латинское.

— Откуда вы столько всего знаете?

— Я изучаю версификацию.

— Опять вы говорите загадками. Как это переводится с латыни?

— Версификация — это наука о стихосложении.

— Вот как? Звучит учено и очень сложно. Вы хороший специалист в этой вашей области?

— Довольно хороший. Найти лучшего вам будет трудно. Я могу без особого труда объяснить вам все насчет спермы. Но не здесь... Здесь слишкомлюдно...

В этот момент поднялся занавес, и на сцене возникла набережная со стоявшими вдоль моря скамейками.

* * *

— Удивительно, все это, оказывается, происходит в мгновение ока, как какой-то взрыв, — заметила немного позже Георгина. — Готова поспорить, что смерть длится дольше!

После первого действия, когда занавес опустился, зал наполнился гулом голосов и начал медленно зажигаться свет, молодой человек, по-прежнему весь в поту, прошептал Георгине:

— У меня есть предложение. Сейчас начнется антракт. Я живу в особняке напротив театра. В том самом, что в саду, окруженном оградой из металлических копий. Там же и небольшая церковка. Наверняка вы ее заметили, когда шли сюда.

— Да.

— Пойдемте ко мне, выпьем шампанского с инжиром, и я вам все объясню насчет спермы.

— Не могу.

— Почему?

— В фойе ждет служанка, которая должна доставить меня домой. Та самая, которую знает ваш камердинер, как вы сказали.

— Но мы вернемся в театр до начала пятого действия, и после спектакля вы отправитесь домой вместе со служанкой, так же как и прибыли сюда. Она ничего не заметит, потому что мы прокрадемся через вход для артистов, а потом, как я уже говорил, перед началом последнего действия той же дорогой вернемся назад, в театр, и снова займем свои места.

— Все равно не могу.

— Но почему же?

— Я не замужем.

— Как это связано с моим предложением?

— Именно что связано и именно с вашим предложением. Нас не соединяют узы брака.

Если бы вы были моим мужем, я бы пошла к вам домой, а иначе не могу. Так считает моя мама.

— А собираетесь ли вы выйти замуж за кого -нибудь другого?

— Нет.

— Ну и прекрасно, тогда нет никаких препятствий. В нашем имении есть священник, он откроет церковь и, прежде чем вы войдете в мой дом, обвенчает нас, так же как обвенчал в свое время моих родителей и мою бабушку.

— И все это до начала пятого действия?

— Да. Мы все успеем. Умоляю вас, пойдете!

* * *

Снаружи тишина покрывала все как туман. Она покрывала землю слоем толщиной в полметра. Когда они вошли в парк, окружавший особняк, то увидели пруд, который лежал, как оброненное в траву зеркало, и в нем отражалась луна. Пруд был зелен. И напоминал утопленника. В нем, как дырочка на зеркале, темнел крохотный островок. Над берегом стоял дом приходского священника.

— Отец Григорий, надеюсь, вы еще не легли! Откройте, у меня хорошая новость, сейчас будет венчание! Отец Григорий, откройте, если вы не спите! А если спите, то просыпайтесь!

Георгина, слушая эти слова, с изумлением обнаружила, что язык хозяина прекрасного имения весь в дырочках, словно кусок швейцарского сыра. Когда ему не хватало какого-нибудь слова, молодой господин Кантемир, так его звали, без колебаний латал пустоту соответствующим французским словом. Его речь напоминала английское лоскутное одеяло на шелковой французской подкладке, которая проглядывает через прорехи. Правда, Георгине пришлось прекратить свои наблюдения, потому что события начали развиваться с головокружительной быстротой. На помощь своему хозяину и работодателю поспешили не только отец Григорий, но и старая кухарка Милина и камердинер Теодор, молодец внушительного телосложения, так что венчание совершилось по всем правилам; их записали в церковные книги и, заперев церковь на замок, отвели в особняк, где в камине потрескивали дрова и стоял стол, накрытый на одну персону: кроме молодого господина Кантемира в доме никто не жил. Быстро принесли еще один прибор для молодой жены, и тут же на столе появился обещанный инжир и пенистое вино. На полке под одной из картин с обезьянами, возносящими молитвы богу солнца Ра, стоял граммофон с золотым раструбом, а рядом лежала гора пластинок с изображением собаки, прислушивающейся к голосу хозяина. Они пошли танцевать фокстрот. А под звуки квикстепа Кантемир поцеловал Георгину. Она почувствовала во рту его огромный дырчатый язык с привкусом сливы. Тогда Георгина остановилась, посмотрела ему прямо в глаза и решительно заявила:

— Я должна тебе кое-что сообщить.

— Слушаю.

— Я думаю, что не вполне невинна.

— Что значит — думаю? Разве ты не знаешь, невинна ты или нет?

— Не знаю, — ответила она и, схватив свою шелковую сумочку, достала из нее мужской член из розоватого каучука.

— Я предполагаю, что отчасти лишила себя невинности вот этим.

— Господи, Георгина, где ты нашла эдакую невидаль?

— Никакая это не невидаль. Его зовут Петкутин, и я его украла. У меня есть тетка Исидора, она настоящая красавица, я обожаю рыться в ее вещах и перебирать флакончики с жидкостями, которые делают ее еще красивее. Член я нашла в ящике с ее нижним бельем...

— И ты теперь носишь его даже в театр?

— Да. Всякий раз, когда на сцене происходит что -нибудь волнующее, я незаметно сжимаю его рукой...

После этих слов Кантемир расхохотался, обнял Георгину и принялся раздевать ее, приговаривая:

— Ни о чем не беспокойся, куколка моя, мы все уладим в два счета.

Тут он достал из ее сумочки губную помаду и накрасил ей губы, а потом соски на груди.

— Так, теперь у тебя дивные красные глаза, похожие на две оспины, — заметил он, а она выпустила свои длинные волосы, и в плаще из этих волос он повалил ее на постель...

Они лежали на спине, уставившись в потолок.

— Одна императрица, не знаю точно, какая именно, говорила, что самый прекрасный вид открывается на потолок. Согласна, но только пока занимаешься любовью. А потом этот вид становится печальным, даже если, как в твоём доме, на потолке изображены птицы и цветы, словно это курятник... Теперь мы с тобой молодожены, не так ли?

— Да.

— Я видела столько пар, которые совершают ошибку за ошибкой. Одну глупее другой. А как нам избежать глупостей в браке?

На эти слова Кантемир ответил:

— Просто постоянно имей в виду, что я, твой муж, не виноват в том, что ты женщина. И все будет в порядке...

Георгина не услышала его слов, потому что в этот момент тонула в сон...

Проснувшись она первой, так же как первой и заснула. Лежала и смотрела на него, огромного, прекрасного, нагого. Пока он спал, его полудреmlющие пальцы ползали по его телу с каким-то древним, насчитывающим вот уже несколько тысячелетий, проворством. В полусне он теребил свои волосы и обгрызенными ногтями почесывал и скреб мозоли, родинки и утолщения кожи во власти какого-то атавистического инстинктивного порыва прамужчины, который во сне становится гораздо ближе к животному, чем к женщине... Вокруг его члена, у самого корня, виднелось красное кольцо. Георгина так и не поняла, что это — ее губная помада или кровь.

— Кантемир, Кантемир! Мы опоздаем в театр! Наверняка пятое действие уже кончилось!

— Ни в коем случае, — сказал он, пробуждаясь, — сейчас только началось третье...

Он окончательно проснулся, вернулся из праистории в настоящее и распорядился накрыть на стол. Когда их пригласили обедать и подали первое блюдо, Георгина безошибочно угадала его состав и дальше, до конца трапезы, с детской радостью перечисляла и остальные компоненты:

— Три яйца, одно из них перепелиное... петрушка, говядина... жар горячей виноградной лозы... вода, морская... Бесподобно... Угадай, что мне приснилось?

— Когда?

— Только что... Я быстро погружаюсь в сны. Мне снилось, что я никак не могу выйти замуж и что у меня нет поклонника. А смотри-ка, вот я и замужем, и ты у меня есть. Кто же во мне видел этот сон?

— А ты подумай! Или тебе снятся твои вчерашние сны, или ты с кем-то поменялась. Если вспомнишь, кто бы это мог быть, достаточно позвонить ему по телефону, и — оп! — все вернется в норму.

Георгина встала из-за стола, вышла в холл, где стояло женское седло, рядом с которым висел телефон. Трубка была из зеленого камня, всегда холодного. Она уселась в седло, набрала номер и сказала в трубку:

— Слушай меня внимательно, сестричка. Я видела во сне ту самую чайную, в которую никогда не хожу и где ты вечно болтаешься со своей школьной компанией. Во сне я прочитала на вывеске, что она называется «Голубой дым». Я там не была ни разу, а ты была. Следовательно, и само заведение, и его название могли возникнуть только в твоём, а никак не в моём сне. И ясное дело, я поняла, что это значит. Будь так любезна, прекрати посылать мне свои сны и красть у меня мои. Достаточно! Я тебе задам, когда вернусь...

И Георгина положила трубку «Так, этот вопрос решен», — рассудила она и спросила у Кантемира:

— Когда ты поделишься со мной твоими знаниями? Как это, ты говорил, называется...

— Сперма?

— Да нет, ты же больше не потеешь, когда находишься рядом со мной. Я про другое. Про то, что по-латински и связано со стихами.

— Версификация? — Да!

— Ну, это несложно. Правда, тебе придется запастись терпением, потому что сначала идет теоретическая часть, введение, и только потом практические занятия.

— Если ты собираешься учить меня сочинять стихи, то об этом не может быть и речи.

— Не собираюсь. Тебе не придется писать самой, возьмем в качестве примера стихи, созданные две с половиной тысячи лет назад. Их написала женщина. Она была красива и жила очень давно на одном дивном острове, который называется Лесбос.

— И звали ее Сапфо, — добавила Георгина, — видишь, я знаю.

— Она изобрела прекрасную строфу из четырех строк на греческом языке. Древние греки измеряли не только время и расстояние между Землей и другими небесными телами, они измеряли и продолжительность звучания слов. Именно это, последнее, было им важно для построения стихов. Они с равным мастерством строили и корабли, и стихи. За основу брали правильную смену долгих и кратких слогов.

— Кантемир, все это слишком запутанно. Если ты продолжишь, я снова засну и мы опоздаем в театр... Я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.

— Ты все поймешь, просто еще немного потерпи... Гроздь из двух или трех фрагментов слов, то есть слогов, называются стопами. Такие стопы имеют свои имена, которые прекрасно звучат и по сей день: например, двухсложная стопа с одним долгим слогом и следующим за ним кратким, то есть с одним ударным и одним безударным, называлась «трохей», или «хорей».

— А какое слово звучит как трохей? Папа?

— Правильно. Идем дальше. Трехсложную стопу, которая содержит один долгий и два кратких удара, или один ударный и два безударных слога, они называли «дактиль».

— Кантемир!

— Ты отлично все схватываешь, видишь, это несложно... Сапфо из таких строк составила строфу, которая используется в поэзии до сих пор и носит ее имя...

Тут Георгина прервала лекцию, встала из-за стола и повела Кантемира в постель.

— У нас не так много времени, чтобы заниматься теорией, — заметила она.

— Ты права, — согласился он. — Сапфо проводила практические занятия и в постели.

И тут Кантемир продемонстрировал ей, что означает сапфическая строфа на практике: он начал с одного долгого, сильного удара, который, как показалось Георгине, проник до самого ее горла, после чего последовало одно короткое, неглубокое вхождение. Потом он повторил все еще раз.

— Итак, это были два трохея, — сказал он и продолжил одним мощным, глубоким проникновением, за которым последовали два коротких и комментарий, что это называется «дактиль».

— Это было хорошо, — прошептала она.

Потом снова последовали два трохея, и таким образом первая строка была доведена до конца. Все это повторилось еще два раза, в несколько более быстром темпе, а затем Кантемир прошептал:

— В конце следует строка, которая называется «адонийский стих».

Но тут Георгина выкрикнула:

— Быстро еще один дактиль! Они мне нравятся больше всего!

И он вошел в нее один раз медленно и глубоко, потом два раза быстро и, наконец, нанес ей жесткий и продолжительный удар, а за ним один мелкий. Так Георгина кончила, и одновременно закончилась сапфическая строфа.

— Теперь ты понимаешь, какое послание к нам содержится в стихах Сапфо?

— Да! Это ее советы о том, как заниматься любовью. Любовный урок с острова Лесбос.

Прекрасный урок. Но эти стопы написал ты. Как это делала она, женщина?

На это Кантемир продекламировал:

Ты подобна яблоку, что, алея,
Манит взоры к самой высокой ветке,
Сладкий плод, оставленный на верхушке,
Всем недоступный...

— Кстати, — добавил он, — у Саффо на острове было нечто вроде духовной школы. К ней приезжали девушки с окрестных островов получить образование, а потом возвращались домой, чтобы выйти замуж. Именно им предназначались уроки любви с острова Лесбос и эротические строфы Саффо.

После этих слов Кантемир показал Георгине, как она может оседлать его, и она поскакала верхом на нем, следуя хореографии саффической строфы. И Георгина, чье тело помнило урок лучше, чем она сама, с небольшими поправками, которые вносил Кантемир, исполнила целую строфу из Саффо. Ее тело, возвышавшееся над Кантемиром, говорило на всех языках мира и сладко нашептывало древнее любовное послание:

poikilo-thron athanat' Aphrodita
pai dios doloploka, lissomai se
me m'asaisi med' oniais damna
potnia thumon...¹

* * *

Немного утомленные, со взорами, обращенными внутрь, они снова смотрели в потолок, и снова Георгина задала неизбежный вопрос:

— Кантемир, что такое любовь?

— Любовь — это то, чем мы только что занимались. То, что часто заканчивается прежде, чем двое перестают любить друг друга. Когда они перестают любить друг друга, их любовь перестает часто кончаться...

И Кантемир расхохотался. Но Георгина не отступала:

— Мне нужен серьезный ответ. И я скажу тебе, что думаю сама. Разница между двумя женщинами может быть большей, чем между женщиной и мужчиной. От этой разницы зависит, родится или нет любовь в каждом конкретном случае...

Но Кантемир этих слов услышать не мог, потому что задремал, да и сама Георгина вскоре тоже заснула.

Ночь таяла над ними, зеленый дым поднимался сквозь тьму над домом Кантемира и плыл над рекой, куда-то на другой конец города, туда, где жили родители Георгины и ее младшая сестра Анджела. Когда два дыма смешались, Георгина пробудилась, вскрикнув:

— Эй, ты что делаешь? Ты спал и был во мне?! Разве такое возможно?

— Возможно, — ответил Кантемир. — Когда мужчина спит, его член чаще всего стоит. И если при этом находится в красивой женщине, как это сегодня случилось со мной, то ее дыхание приносит им самые дивные сновидения. Иногда они даже могут пережить во сне

¹ ποικιλοθρον ἀθανάτη Ἀφροδίτη
παὶ Διὸς δολοπλοκή λίσσομαι σε
μη μ'ασαίσι μηδ' ονίαισι δάμνα
ποτνία θυμόν...

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжалься, богиня!
(Гимн Афродите. Пер. Вяч. Иванова)

эякуляцию.

— Опять эта латынь! Переведи!

— Позже, сейчас у нас почти не осталось времени.

— Неужели мы опоздали? — воскликнула Георгина, но Кантемир ее успокоил:

— Пора возвращаться назад, в театр. Там как раз начинается пятое действие.

Они торопливо оделись и выскочили из особняка. Снаружи царил тишина, глубокая, как река По. Ступая по этой тишине, как по воде, они вернулись в театр. Пятое действие подходило к концу.

Когда аплодисменты в зале затихли и актеры вышли на поклон в последний раз, Георгина и Кантемир поспешили к выходу. Но Домазету они не нашли, хотя внимательно смотрели по сторонам. Наконец зрители разошлись, и они остались одни под огромной люстрой, которая начала постепенно гаснуть. В глубине фойе на банкетке сидела какая-то старуха с девочкой лет шести. Увидев их, она встала и направилась прямо к ним, ведя девочку за руку.

— Пойдем домой, мадемуазель Георгина? — спросила старуха.

— Кто вы такая? Где моя служанка Домазета?

— Неужели вы меня не узнали? — удивилась старуха. — Домазета — это я. Просто время сделало свое дело... А кто этот господин?

— Это мой муж Кантемир. Я хочу представить его маме и папе, так что он тоже пойдет с нами.

— Даже не знаю, как вы сможете это сделать. Ваша госпожа матушка уже шесть лет как умерла, а батюшка упокоился за несколько лет до нее. Она еще успела увидеть свою первую внучку, а вот господин ваш батюшка — нет.

— Какую внучку, о чем вы говорите?

— О Маловразице, вот об этой девочке рядом с нами. Это дочь вашей младшей сестры Анджелы.

Тут Маловразица пнула Георгину ногой в голень и сказала:

— Пошли, врунья, что стоишь! Могла бы и позвонить, чтоб мы так не волновались...

Волшебный источник

*Действие происходит в Париже, в Бачке и в белградском доме
Димитрия Перовича, Черногорская улица, 8*

УНЫНИЕ, или ПРАЗДНОСТЬ, — следующий из семи смертных грехов. Данте помещает праздношатающихся в пятый круг ада, в неподвижные воды Стикса, а впавших в уныние — в «Чистилище». Художник Иероним Босх изображает пораженных ленью в виде буйволов. У Шагала на астрологической ладони с семью пальцами праздность символизирует

первый из двух указательных пальцев. Он также соответствует одной из семи планет, а именно Меркурию. Следует иметь в виду, что Шагал считает справа налево.

I ПАВАРОТТИ

Это было в то время, когда мой предпоследний учебный год в парижской Школе изящных искусств приближался к концу. Я жил на Фий-дю-Кальвер, в третьем округе, в Маре. Каждое утро я спускался к Сене, проходя мимо прекрасной уличной купальни для

собак, расположенной на углу, возле рынка, потом шел вдоль музея Пикассо и, наконец, оказывался на Вьей-дю-Тамплъ — так называлось продолжение моей улицы. Однажды, ближе к вечеру, я возвращался с прогулки и чуть было не наткнулся на огромного человека, бородача в черном костюме. Оказалось, что это выпиленный из фанеры силуэт, на который наклеили цветную фотографию и поставили для привлечения покупателей рядом с музыкальным магазином. Паваротти в натуральную величину, с улыбкой героя мультипликационного фильма.

И тогда, просто от нечего делать, я впервые задал себе вопрос, почему он нравится мне больше всех остальных современных оперных певцов. Эти мысли оказались искрой, воспламенившей запал взрывного устройства. Во мне проснулся музыкант из моей молодости. А где-то далеко, в доме на Балканах, на огромном расстоянии от моих пальцев загудела скрипка, сделанная в 1862 году в Санкт-Пёльтене маэстро Эвстахием Штоссом, скрипка, под звуки которой проходили годы моей учебы в консерватории.

Я ощущал знакомый зуд в пальцах всякий раз, когда покупал, крал или одалживал записи арий в исполнении Паваротти и опер, в которых он был занят, диски с его сольными выступлениями и книги, которые о нем были написаны. «Риголетто», партия Тонио с верхним *до*, Радамес в «Аиде», знаменитые телевизионные концерты с двумя другими тенорами, дуэты с рок-исполнителями, обе его автобиографии и так далее и тому подобное, — я собрал целую гору материала. И однажды сел и начал прослушивать накопившиеся у меня музыкальные записи. Я принял решение, двигаясь шаг за шагом, определить, в чем же состоит притягательная сила Паваротти, действие которой испытал не я один, его испытало все человечество XX века, в котором я жил. Я слушал день за днем, месяц за месяцем. Понемногу, вопреки своей воле, преодолевая сопротивление, я возвращался в свое музыкальное прошлое и превращался из художника в музыканта, которым не был уже многие годы. И не так уж важно, были ли характерными и показательными для его вокального творчества и карьеры те музыкальные произведения, на которые я опирался в своих умозаключениях. Не важно, было ли то «the best of Pavarotti». Важно, чтобы в них (наверняка, впрочем, как и в других) содержался ответ на изначально поставленный вопрос: почему именно Паваротти? Почему не кто-то другой?

Мое исследование было в какой-то степени злорадной попыткой бывшего музыканта, а ныне художника разоблачить тайны того ремесла, которое когда-то было общим полем нашей совместной деятельности. Или хотя бы мысленно представить себе, как он овладел этими тайнами и потом, сознательно или подсознательно, околдовывал людей своим бельканто.

Так как мой собственный жизненный опыт был связан с инструментальной музыкой, я считал себя вправе рассматривать вокальное мастерство Паваротти именно под этим углом зрения. К тому же я был уверен, что Паваротти в совершенстве изучил различные области музыки и пользуется опытом, секретами и трюками самых разных исполнителей, что, кстати, нетрудно заметить, слушая его пение. Другими словами, я спросил себя, а что если в то время, когда он брал частные уроки в Мантуе или даже раньше, в родной Модене, кто-то открыл ему нечто относящееся к тайной музыкальной традиции Средиземноморья? Или он взрастил в себе возродившиеся музыкальные гены той области, где родился и вырос? Но пока он поет, глядя на нас сквозь свою черную бороду, мы пойдем по порядку.

Верди. Риголетто

Одна из особенностей Паваротти, которая моментально обращает на себя внимание, — это его бельканто невероятной легкости и чистоты, поднимающееся до высочайших тонов безо всякого насилия над голосом. Как он этого достигает? Я, конечно, сразу же вспомнил, как это делается в мире инструментальной музыки, то есть в моей узкой области. Правда, сам я узнал об этом почти случайно, ведь человека, учившего меня игре на скрипке, можно было назвать кем угодно, но только не педагогом. Это был несостоявшийся

виртуоз-исполнитель, постигший тайны ремесла, недоступные другим консерваторским преподавателям. Например, когда я уже знал наизусть концерт Макса Бруха для скрипки с оркестром, он поставил на мой пюпитр какой-то роман Тургенева и потребовал, чтобы я, играя по памяти, читал его про себя. Техника пальцев отделялась от сознания, и возникала легкость, не зависящая от чего бы то ни было рационального. Рациональная энергия уходила в другом направлении, а книга выполняла роль громоотвода. Предполагаю, что и Паваротти достигает легкости подобным упражнением. Подобным, но все же несколько иным, ведь он пользуется голосом, а не смычком.

Я подумал, что его дар может быть сублимацией какого-то многовекового опыта. Известно, что в монастырях на Афоне, а возможно и на Итало - Критской территории, использовалась гамма не из восьми тонов, а из гораздо большего числа звуковых нюансов. Святогорская литургия имела более сложное звучание, которое нельзя записать с помощью современной нотной системы, основанной на октаве. Ведь на нотной лестнице Афона размещалась целая греческая азбука, то есть примерно двадцать буквенных знаков.

На практике это означало, что каждое написанное слово могло быть пропето, то есть прочитано, с помощью нотной системы, иными словами, имело свою звуковую формулу, никак не связанную с фонетической. Например, если предположить, что буквы азбуки последовательно распределены от самого низкого до самого высокого звука нашей восьминовой гаммы с пятью полутонами, то слово «аминь» имеет следующий звуковой образ:

до — ля — соль# — си

Таким способом можно было пропеть какие -нибудь сообщения или имена, превращенные в условный знак или пароль, понятный тому, кто может их расшифровать. Певец посредством пения мог произнести какое-нибудь женское имя. Я думаю, что Паваротти каким-то образом соприкоснулся с этой практикой шифрования при помощи музыкального кода и благодаря ей приобрел свою удивительную легкость, ведь он научился мыслить одновременно на двух музыкальных уровнях.

Знаменитые телевизионные концерты трех теноров в Риме (1990) и Лос-Анджелесе (1994)

Выступление Паваротти на этих концертах вместе с Карерасом и Доминго показало очевидную разницу между Паваротти и двумя другими певцами. В чем она проявилась? С первого взгляда было абсолютно ясно, что двое других форсируют и чуть ли не насилуют собственный голос, чего никак нельзя было сказать о Паваротти. В чем причина? Испанской школе свойственны более резкие голоса, чем итальянской? Не знаю. Но я мог бы, преодолевая сомнения и неловкость, поделиться опытом из моей музыкальной практики, приобретенным уже после того, как я оставил скрипку. Речь идет о так называемой «сладкой слюне».

В одно время со мной в консерватории учился цыган Попаз, пухлый красавчик, у которого пробор начинался сразу над бровью и который, стоило ему открыть глаза, видел свою левую щеку, деформированную постоянно подпиравшей ее скрипкой. Женщины влюблялись в него и в его музыку, а мы — в его музыку и во влюбленных в него женщин. Как только весной устанавливалась хорошая погода, он исчезал: играя на цыганских свадьбах, добирался до самой Трансильвании и возвращался, чтобы сдать экзамены после двух месяцев сплошного похмелья. Но даже в таком жалком состоянии он любого из нас мог, словно смычок, заткнуть за пояс. У него была любовница с отделения вокала, и я помню, как однажды он сказал ей:

— Ничего у тебя не выйдет, малышка, твоя слюна для певицы не годится. У настоящих певиц слюна особого рода, и они, когда поют, чувствуют ее сладость, хотя при поцелуе их партнеры этой сладости не ощущают. И это, радость моя, слышно, как только они открывают рот. Вдох и выдох певца зависят от этой волшебной слюны. И получить ее можно от Бога

или от питья чая из травы иссоп, а еще можно заразиться ею, если долго целоваться с тем, у кого она есть. Выбирай сама.

— Ты кого-нибудь знаешь с такой слюной? — спросила девушка своего возлюбленного.

— Знаю, — сказал он, — но это женщина. Не думаю, что она захочет с тобой миловаться. Она любит мужчин, а ты не молохей — египетская приправа из рубленой зелени, от которой кончают ушами, — чтобы она стала тебя смаковать...

Пусть тот, кто читает эти строки, не думает, что Паваротти обязательно должен был открыть какую-то волшебную тайну «сладкой слюны», без которой нет настоящего пения. Она могла достаться ему от Бога, по наследству, или он мог заразиться ею, на наше и свое счастье, даже не заметив, как это случилось. Но несомненно, что различие между ним и другими певцами заключается, кроме всего прочего, и в этой тайне. В тайне состава слюны. Это особенно хорошо заметно, когда он поет в дуэтах или трио. Короче говоря, во рту у Паваротти много хорошо оплодотворенной слюны, и это слышно, как только он открывает рот.

Тонио и верхнее до

Слушая «трудные» арии Паваротти, я думал, что у него есть нечто вроде параллельной нотной, или, лучше сказать, резервной эмотивной системы. Словно его голос содержит «посторонние шумы». Таким термином в инструментальной музыке обозначают нежелательные и сопутствующие акустические явления, производимые материалом, из которого сделан инструмент. Обычно, слушая музыку, на них не обращают внимания. Мы, например, не слышим (вернее, не слушаем), как, скользя по струнам музыкального инструмента, скрипит конский волос, натянутый на смычок, не обращаем внимания на разницу звучания металлической струны и струны, сделанной из жилы, и так далее. Я подумал, что Паваротти создает некое подобие вокальных шумов, и, когда он поет, мы слышим еще что-то или, точнее, кого-то. Словно во время пения в него вдруг вселяется какой-нибудь тенор прошлых лет, но не из двадцатого века, как Карузо, а из начала девятнадцатого. А еще более вероятно, что он становится реинкарнацией бельканто какой-нибудь певицы, например Анжелики Каталани.

Высокие регистры строятся таким образом, что напрашивается сравнение с возведением звукового здания. Известны рассказы о русских певцах с Дона, где рождаются с поставленными от природы голосами, уже как бы прошедшими школу, такими, для приобретения которых в других местах приходится затрачивать годы и годы учебы. Относится ли это и к Паваротти? Я бы снова оттолкнулся от собственного музыкального опыта, то есть от инструментальной музыки. Здесь иногда, например у струнных, встречается своего рода асимметрия. Инструменты настраивают слева направо, начиная с самой толстой и кончая самой тонкой струной. Паваротти знает эту особенность и использует ее. Голос Паваротти асимметричен, как асимметрична его улыбка. Для него это вполне естественно. Порой даже кажется, что его голос, говоря условно, имеет левый и правый профиль. Может быть, это восходит к той технике, к которой прибегали в старые времена, обучая пению кастратов. Как бы то ни было, при взятии высоких нот вокальная асимметрия оставляет место для маневра. В нужный момент певец вдруг отказывается от старательно выстроенной асимметричности своего звукового здания и устремляет энергию голоса к симметричности, словно стрелу выпуская ее прямо к верхнему *до*, туда, где нет места для «левого» и «правого» профиля бельканто. Теперь это уже не романская церковь, видимая сбоку, это кампанила, вертикаль готического собора, пронзающая небо над вами. Это нечто вроде этического качества музыки.

Это нечто, о чем сказано: «В своей душе он не нашел места для себя, ибо места там хватило для всего, кроме нее самой».

* * *

Когда я написал последние слова о Паваротти, музыкальный мыльный пузырь лопнул, и я снова оказался в грубой реальности, среди художников. Я был голоден как никогда. Мне пришлось, хлопая ушами, покинуть Париж, не закончив учебу и без гроша в кармане. Я возвращался домой, в Бачку, в надежде хоть как-то заработать на кусок хлеба.

П БАЧКА

— Я не умею смеяться по-городскому, только до правого уха, но все-таки мне хотелось бы уехать в город. Там хороший базар и там можно выгодно продать иконы, — объяснял я незнакомцу, который держал в руке лист бумаги. То, что я говорил, было правдой: через мое уродливое лицо тянулась какая-то фальшивая улыбка. Но и это еще не все. К этому неприглядному лицу, из-за которого меня прозвали Фома Безобразный, прилагалось и тело, казавшееся странным как мужскому, так и женскому взгляду, потому что с этим телом что-то было не так. Некоторые люди говорили, что на самом деле именно красота моего тела мешала им как следует рассмотреть меня.

От нас обоих воняло — от меня столярным клеем и олифой, а от человека рядом со мной плесенью подвала, в котором он ночевал. Дело было на ярмарке в Бачке. Мы торговались. У него была страница, выданная из одной ветхой книги с какого-то сомборского чердака, на ней изображалась Богородица рядом с «животворящим источником благодати», и он, понимая, что для меня это бесценный образец, предлагал мне ее купить. Чтобы уговорить меня, он указывал и на подпись под миниатюрой, из которой следовало, что этот чудотворный источник изобразил в 1744 году Христофор Жефарович².

— Есть у меня и зеркало, на котором ты можешь написать источник, — добавил он и показал чудесное, почти неповрежденное хрустальное зеркало с отшлифованными краями.

Глаза у меня сверкнули и тут же погасли. Я улыбнулся, продемонстрировав, что действительно не умею смеяться по-городскому.

— Ты его украл, — сказал я ему, — нельзя писать Богородицу на краденом, — и отказался от зеркала. Но вырванный из книги лист взял и взамен предложил ему нечто такое, что, как я подумал, он не отвергнет. Я предложил ему год жизни.

— Откуда у тебя год моей жизни? — удивился он.

— Бог найдет то, что потеряно. Представь себе покрытый галькой берег Мориша. Повсюду разбросаны разноцветные камешки. Это жизнь. Но ты среди них можешь углядеть только синеватые или желтые камни. Остальные для тебя не существуют. Мы, живописцы, можем распознавать и те цвета, которые не видят другие люди. Кроме того, хорошо известно, что живописцы, все без исключения, живут очень долго. А это объясняет одна тайна. Я открою тебе эту тайну за рисунок с Богородицей и источником, дарующим жизнь. Один источник жизни в обмен на другой.

— Рассказывай, — потребовал он, продолжая, однако, держать бумагу в руках. Хотел сначала узнать тайну.

Тогда я начал:

— Твой сон, дорогой мой, похож на реку, которая течет только ночью, когда ты спишь. В конце жизни эта река вольется в море всех снов вселенной, в море, которое ждет ее у устья, в месте ее впадения. И вот тут-то ты и должен подстеречь момент, когда во время твоего сна все прочие сны замирают. Потому что человеческие сны по ночам иногда замирают. Сон в эти моменты подобен спокойной стоячей воде, и ты можешь научиться плыть вверх по его течению. Таким образом, каждую ночь можно понемногу подниматься против течения своих снов к их источнику и так сберечь немного времени. И в конце концов

² Христофор Жефарович (1690–1753) — сербско-болгарский иконописец и гравер.

у тебя окажется на год или два больше, чем ты прожил бы, не зная тайны...

Услышав этакie речи, он так разинул рот, что, может, и до сих пор ему не удалось его закрыть, но лист с картинкой мне все же не отдал. Вместо этого он достал из своего мешка кучу шахматных фигур из обожженной глины и попросил, чтобы я покрасил их в черный и белый цвет.

Пока я их красил, он мне сказал:

— Если обратить на это внимание и хорошо натренироваться, можно заметить, что собственные воспоминания имеют вес. И у разных воспоминаний он разный. Те, что тяжелее, старше тебя, и принадлежат они одной из твоих прежних жизней. Так вот, понимаешь, эти наши предыдущие жизни напоминают шахматы в шахматах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, продолжая раскрашивать фигуры.

— Все очень просто. Вот ты красишь фигуры и потом сможешь сыграть ими партию в шахматы. Когда ты играешь, ты делаешь ходы. Но ты можешь воспринимать это и как игру в шахматы, и как собственную жизнь, ты можешь представить себе кого-то, кто делает ходы, переставляя тебя с одного поля на другое. И того, кто может тебя съесть. Но и тот, кто тебя передвигает, и тот, кто может тебя съесть, сам тоже будет съеден. Его съест кто-то, кто придумывает ходы... И так до бесконечности. Это и есть реинкарнация... А теперь отломи голову у той фигуры, которую ты покрасил первой и которая уже высохла, и ты найдешь внутри нее другую, меньшего размера. И ее тоже нужно покрасить. Они словно русские матрешки или словно твои предыдущие жизни: более старые заключают в себя тех, что помоложе, и так до бесконечности.

И действительно, внутри фигуры оказалась другая, меньшего размера, а в ней еще меньшая, и я вынужден был красить и красить.

Когда я вручил ему раскрашенные фигуры, он отдал мне страницу с волшебным источником, а я, прощаясь, спросил, не посоветует ли он, где мне переночевать в городе. Он сказал, что под мостом через Саву на стороне старой части Белграда есть большой дом с садом.

— Дом полуразрушенный, — добавил он, — но заночевать в нем можно. Только смотри постарайся лечь спать как можно ближе к выходу. Вот все, что мне известно, — сказал он и ушел.

Тогда и я, Фома Безобразный, направился в город.

* * *

Добравшись до места, я перебрался через воду и нашел в старой части города дом под мостом. На нем значилось: «Черногорская, 8». Семь окон наверху, а на первом этаже, за железными ставнями, еще четыре, между ними, посередине, двустворчатая деревянная дверь, которая вела в широкий коридор и дальше через него во двор. Посреди двора стоял стол, на столе тарелка, в тарелке сидела и умывалась кошка... Двор утопал в зелени, хотя, из-за того что она росла под мостом, дождь на нее почти не попадал. Вдоль коридора с каждой стороны располагалось по восемь комнат; те, что находились слева, оказались под замком, а те, что справа, были открыты. И в них жили какие-то черные, корявые и словно состарившиеся мальчишки. А где-то, непонятно где, но точно в доме слышался чей-то плач.

— Кем вам приходится тот, что плачет? — спросил я.

— Это наша королева, — ответил один из этих маленьких, корявых и черных.

Здание походило на монастырские дома для умирающих и разные благотворительные заведения для бедняков в Царьграде вроде «Всемогущего Христа» или «Атталиата святого Михаила». Я знал это, потому что однажды перерисовывал их из книги...

Комнатенку я себе выбрал возле входной двери, за ней, в глубине, стояла плита на колесиках. Огромная, как крепость. Через окно была выведена труба в несколько колен. Это хорошо, подумал я, можно растопить, чтобы подогреть столярный клей. Тут я увидел, что на стене углем написано:

Дом Димитрия Перовича

Наутро я купил на последние деньги чеснока и зеркало, правда не совсем гладкое, с

небольшой дырочкой в одном углу, развернул страницу с Богородицей и животворящим источником, изображенными Жефаровичем, и начал перерисовывать их на зеркало, обдумывая при этом, какой краской что украсить, потому что на оригинале цвета не было — просто отпечаток, гравюра на медной доске... Чтобы как следует подготовиться, мне потребовалось пять дней, после чего я развел огонь, поставил на плиту все необходимое, подошел к окну, что смотрит во двор, глянул и ужаснулся. Из соседнего окна высовывалась лошадиная морда. Это был вороной с выбритыми ушами, выкрашенными в красный цвет. Уставился прямо на меня и фыркает. Это ему дым мешал... Уже позже я узнал, что и в некоторых других помещениях вместе с людьми живут лошади.

Однажды утром, прозрачным, словно слеза, я уселся в своей каморке на пол, положил продырявленное зеркало с нанесенным рисунком на единственный стул, который у меня был, перекрестился и начал наносить краски на икону Богородицы над чудотворным источником. Чтобы изобразить облака, я положил на поверхность зеркала известь, смешав ее в ракушке с небольшим количеством яичного желтка; небо раскрасил кобальтом, который растер в другой ракушке. Для ангельского облачения использовал немного лазурита с картофельным крахмалом. Края обвел обгоревшей еловой веткой. Самые дорогие вещества я приберег для Богородицы и Ее Младенца. Исполненный трепета и любви, я покрыл одежды Богородицы суриком, а для рубашечки Христа воспользовался пластинкой венского сусального золота, которую закрепил, смазав сверху смесью чесночного сока и тернового клея...

И только я хотел приступить к раскрашиванию чудотворного источника, как с грохотом распахнулась входная дверь и в дом верхом на белом коне въехали мужчина и женщина. Она была молода и светловолоса, а он стар и одет в неподпоясанную рубаху. За ними ввалилась толпа шумных парней, они пооткрывали все до сих пор запертые двери по другой стороне коридора, затопили печи, потянуло запахом яичницы с луком, а белый конь бесцеремонно вломился в ближайшую ко мне комнату, из которой визжа выскочил во двор один из ее обитателей. Тут кто-то из наших толкнул в сторону коня плиту на колесиках со стоявшей на ней огромной кастрюлей горячего овощного супа, и он, ошпаренный, выскочил в сад.

— Кто это такие? — в ужасе спросил я у одного из моих соседей.

— Это «светловолосые» и их король с королевой, — ответил он. — Теперь здесь мира не жди. Они захотят устроиться в нашей части дома. И это еще не самое страшное. Их королева заморозит всех нас, и мы от страха или от страсти будем думать только о ней. Уже сейчас все прислушиваются к тому, как ее тяжелые ресницы касаются щек.

Я хотел рассмеяться, но не умел по-городскому, только до одного уха, поэтому не решился.

— Эй, там, внизу, тихо! — раздался женский голос, и с верхнего этажа спустилась, вся в белых кружевах, светловолосая королева. Она подошла к нашей плите, остановившейся в конце коридора, и одним легким движением ноги, обутой в туфлю из зеленой кожи, толкнула ее. А так как плита была на колесиках, она скатилась по трем ступенькам и, опрокинувшись, продолжала дымить в саду.

Так в доме под мостом установился новый порядок и новый беспорядок. В промежутках между стычками я спешно заканчивал раскраску иконы с животворящим источником. Сначала я обвел его контуры жирными линиями, используя для этого обгоревшую сухую виноградную лозу. Таким образом, на зеркале отчетливо проступил самый высокий, поднебесный водоем, один из трех, через которые каскадом ниспадала вода, затем средний, побольше и расположенный ниже, и, наконец, самый большой, в который исцеляющая, дарующая жизнь влага попадала из двух верхних. Башни и замки на заднем плане я раскрасил смесью глины и пшеничного крахмала, а луг вокруг источника — окисью меди. И все это я делал, думая только об одном — о той красавице, шаги которой звучали у меня над головой, на верхнем этаже. Она ходила то крест - накрест, то по диагонали. По походке я мог с точностью представить себе ее удлиненные члены и все ее опасное тело. От

ее шагов на икону, которую я писал, с потолка сыпалась побелка. И только я с помощью марганцовки рассыпал по лугу на стекле цветы, как в доме опять поднялась буча. Светловолосые медленно, но верно захватывали наши комнаты. Все больше наших вынуждены были искать себе приют в саду, под мостом или на улице.

Стараясь не обращать внимания на грохот и перебранку, я тщательно очерчивал сажей от сгоревшей скорлупы грецких орехов каждую человеческую фигуру — королей, королев, их белые и черные дворцы, череду жаждущих исцеления калек и убогих, направляющихся к чудотворному источнику. Я обмакивал кисть то в одну, то в другую ракушку, используя все имевшиеся у меня краски, стараясь, чтобы одежда выглядела как можно ярче и пестрее. Все это я делал, не упуская из виду главного — не тронуть место, оставленное для самого источника. Я оставил незакрашенными некоторые участки зеркала, чтобы они, отражая свет, напоминали блеск воды. Широкие струи, ниспадавшие из самого высокого водоема в средний, и еще более широкие, изливавшиеся в нижнее озерцо, сверкали и переливались сами собой, и тот, кто смотрел на икону, мог в источнике, дарующем жизнь, увидеть собственное лицо. Мог отразиться в целебной влаге и излечиться, умывшись волшебной водой... Одним словом, оставалось совсем немного работы, надо было только привести в должное состояние углы зеркала, и после этого я мог считать икону законченной и вынести ее на улицу, чтобы продать и бежать подальше от дома под мостом... Но работа, как назло, продвигалась медленно. Я больше думал о светловолосой королеве, чем о покрытом красками зеркале.

Я устал от живописи. И вот ночью, в темноте, я стал представлять себе,
Как Иероним Босх изобразил семь смертных грехов

Писатель всегда покупает сережку безухому. Торгует мыслями. Художник же хочет эти мысли увидеть. А человеческие мысли никогда не стоят на месте. Каких только мыслей нет, и кто знает, чьи они, зачем они, чьими они не были и чьими не будут, но приходится их терпеть. Есть мысли быстрые и необузданные, как табун лошадей, есть блудливые и кровожадные, как собачья свора. Одни медленные и злопамятные, словно стадо слонов, другие ненасытные и прожорливые, будто свиньи в загоне, а бывают и завистливые, как обезьяны. А уж сновидения! Там собрались все задние мысли, которые промелькнули в твоей голове наяву и поспешили удрать, словно стайка сребролюбивых сорок или рыб. Их теперь не собрать под одной шапкой, в одной голове. И вот уж бредут по берегу новые мысли, ленивые, как стадо буйволов... Словом, все семь смертных грехов роятся у людей в головах и ждут своего часа...

Но иногда, правда очень редко, случается и иначе. Покажется вдруг из чащи, как волшебный единорог, одинокая и чудесная мысль, взглянет на тебя и сразу забудет, а ты ее потом помнишь до скончания века.

Из одной такой мысли и родилась у Босха картина о семи смертных грехах. А мысль была грустной и истинной. Вот она:

Никто не смеется в моих снах.

Как-то ночью, пока я, отдыхая от живописания, при свете свечи заканчивал работу над рамкой иконы — она была деревянной, черной, с красной полосой, — я вдруг услышал, что у меня за спиной что-то происходит. Я оглянулся и испугался. В дверях стояла белая королева. Рот ее напоминал персик с ягодой земляники внутри вместо косточки, а глаза были так прекрасны, словно она взяла их взаймы. Свой аромат она уже устремила в мою сторону, но ее быстрый слух ловил нечто бескрайне далекое. Именно поэтому, по этой ее раздвоенности, я понял, что она больна.

В этот миг она подошла ко мне и поцеловала, наполнив сладкой слюной всю мою фальшивую улыбку.

— Я хочу, чтобы ты овладел мной, — сказала она и отбросила в сторону свой пояс.

Я остоленел:

— Но не здесь, не перед иконой.

— Неужели ты думаешь, что у меня не наберется сколько угодно таких, как ты? Я

пришла именно из-за иконы, а не из-за тебя, оборванец несчастный. Я хочу посмотреть в волшебное зеркало, пока мы будем ласкать друг друга-

Тут я шепнул ей такое, от чего ее рот остался открытым.

— Как так? Разве эта икона не волшебная? — воскликнула она.

— Нет, пока я ее не закончу и не освящу в церкви.

Тут светловолосая королева рухнула на пол и расплакалась.

— Я обманула тебя, — сказала она сквозь слезы, которые заполняли ее рот и делали соленым язык, тот самый язык, похожий на землянику. — Ничего мне не надо, — добавила она, — я больна, больна от любви, я хочу исцелиться.

— Знаю, — ответил я, и это было правдой. А мое желание стало еще более страстным. Я чувствовал, что женщины наслаждаются любовью гораздо меньше, чем обычно считается. И если они попытаются оценить наслаждение, получаемое ими от любви, по десятибалльной системе, как это делается на экзаменах в школе, то все, что ниже шести, не стоит даже упоминания. Такие ощущения не получают проходного балла. Пятерка для женщины просто болезнь. И если все сложить, так оно и выходит. Все, что получили, потеряют, а то, что потеряют, никогда больше не получат... Так я думал.

В сущности, во мне не на жизнь, а на смерть боролись две женщины — Богородица и светловолосая королева. Это была борьба за мою жизнь и за мою смерть.

В тот же день я поспешно завершил икону на зеркале с целебным источником Богородицы, освятил ее в церкви и подарил светловолосой королеве. Пусть делает перед ней все, что захочет, но только не со мной. Пусть они обе обсудят это друг с другом. А я пешком вернулся сюда, в Бачку. По дороге, в Перлезе, в храме Святого Николая я дал обет каждый день отстоять службу в новой церкви. Это паломничество продолжается и по сей день.

Житие

*Действие происходит в доме братьев Крсманович, улица
Карагеоргия, 59*

ГОРДЫНЯ (ВЫСОКОМЕРИЕ) — третий из семи смертных грехов. Босх изображает гордецов в виде лошадей. Данте помещает их в первый круг «Чистилища». У Шагала на астрологической ладони с семью пальцами гордыня обозначена вторым указательным пальцем, тем, который соответствует Венере. А один из древних авторов говорит о высокомерии так:

Чем же можешь похвалиться,
Ты, тщеславие людское?
Ввысь взлетаешь, словно птица,
Чтоб упасть себе на горе.

— Привет, — сказала она, проходя через монастырские ворота в вязаной шапке, натянутой до самых бровей. Она смотрела на меня через овечью шерсть.

— Да вложит Господь в твое сердце желания, которые исполнятся, а в уста молитву, которая будет услышана... — ответила я.

— Ты грамотная?

— Здесь, в монастыре, мы все грамотные.

— Извини, я не это имела в виду. Можешь ты для меня кое-что составить, только толково, а не тяп-ляп?

— А что бы ты хотела, деточка, чтобы я тебе составила?

— Житие. Типа того, как в церкви читают. Мария Египетская, Феоктиста из Пароса, ну что-нибудь

в таком роде. Знаешь, есть одна женская военная песня: «От Урала до Кавказа я давала без отказа...» Ну так я из таких. И хочу, чтобы ты составила мое житие. Или как это у вас здесь называется?

— Боже, спаси и сохрани...

— Бог здесь ни при чем. У него, может, во всем этом и есть какие-то расчеты, а у нас с тобой никаких, кроме денежных. Я тебе буду рассказывать, ты записывать, а потом составишь все, как полагается, а я тебе заплачу. Тебе или монастырю. Мне все равно. Чистый воздух — долгая любовь...

— Может, ты хочешь исповедаться, дитя мое?

— Не хочу. Но тебе я скажу, что я боюсь, боюсь тех крайне странных разговоров, которые уже некоторое время происходят между мной и двумя мужчинами. Каждую ночь, с перерывами на день. Это у нас тянется как роман с продолжением, из номера в номер.

— И ты боишься чего-то, связанного с этими разговорами?

— И ты бы боялась. Я бездетна и никак не могу зачать, хотя очень хочу, а они мне обещают искусственное оплодотворение. Да еще готовы за все платить вместо меня...

И тут, в тот самый момент, когда я уже решила отрясти прах со своей обуви и оставить посетительницу на улице одну, когда я потянулась рукой к дверной ручке, чтобы войти в монастырский постоялый двор, ручка исчезла. Остался только ключ в замочной скважине. Он сам собой повернулся два раза и тем самым закрыл входную дверь. Тогда я обернулась к девушке, которая по-прежнему стояла перед церковью, и спросила ее:

— Как твое имя, дитя мое?

— Я тебе не дитя. А зовут меня Даласена.

Порядком напуганная и ею, и историей с дверной ручкой и ключом, я сказала:

— Книжки когда-то были очень дороги. Из-за пергамента. Когда-то для того, чтобы переписать Дамаскина, «Законник царя Душана» или сочинение Порфириогенета, нужно было резать целое стадо овец, если считать, что из каждого животного получается четыре листа in folio... Сегодня это уже не так. Никакого вреда не будет, если я запишу все, что ты расскажешь...

Вот так получилось, что Даласена стала через день приходить в наш монастырь Преображения и рассказывать мне свою жизнь. Она рассказывала, а я записывала в тетрадь, которая пахла соломенным тюфяком и шпинатом с бараниной, потому что я листала ее после ужина.

ЖИТИЕ БАРЫШНИ ДАЛАСЕНЫ

Барышня Даласена родилась в городе над двумя реками, у добрых и набожных родителей, которых она, за неимением лучшего, полюбила... Еще в детстве, в пятилетнем возрасте, она стала заглядываться на одного ровесника. Любовь была взаимной, и им не терпелось дождаться, когда они вырастут и когда, как они надеялись, не только их души, но и тела найдут дорогу друг к другу. Но когда они достигли такого возраста, произошло нечто страшное. Она превратилась в высокую, стройную красавицу с тяжелой грудью, похожей на освященный плод, а он покрылся прыщами, остался безбородым и начал расти вишьрь. Он начал походить на кого-то другого, на кого раньше не походил. Такого она любить не могла.

Когда он в первый раз захотел ее поцеловать, она залезла ему пощечину и сказала, что он обманул ее и украл у нее самое драгоценное из всего, что было в ее жизни. Так они

расстались, и она последовала за своим телом...

Короче говоря, Даласена легко поведала мне всю свою жизнь, в которой не было ничего особенного, за исключением страстного желания иметь ребенка, которого она иметь не могла, и нескольких недель жизни, которые текли не вперед, а назад. Словом, она была самой обычной студенткой, обыкновенной молодой девушкой, вот только в ее рассказе да и в монастыре в те недели, пока она к нам ходила, все словно чуть-чуть колебалось, будто что-то мешало времени свободно перетекать из одного дня в другой. В один из таких дней, к примеру, до полудня была среда, а после полудня уже четверг, причем праздничный — день святого пророка Илии.

«Не бойся, — сказала она, словно догадавшись, о чем я думаю, — у вас здесь иногда воскресенье, переодетое в среду, поджидает четверг...»

Со страхом в сердце и бараниной в животе записывала я ее жизнь, боясь Даласены все больше и больше, потому что я, видимо, чувствовала, что каким-то необъяснимым, чудесным образом и я, и все, что меня окружало, зависело от этой девушки.

Что же касается бесед Даласены с теми двумя мужчинами, они действительно продолжались из вечера в вечер, как она и сообщила вначале. Это были мучительные и какие-то призрачные переговоры. Главным их содержанием было искусственное оплодотворение. А началось все вот как. Одна из подруг дала Даласене номер телефона некоего Универсального научного общества по изучению новых явлений, и Даласена туда позвонила. С нее потребовали массу различных данных, и потом она отправилась на первую встречу — на улицу Карагеоргия, 59. Это старое двухэтажное здание, построенное в 1890 году и в свое время принадлежавшее братьям Крсманович, торговцам. Сейчас это был довольно запущенный дом, и именно здесь, на верхнем этаже, через день происходили вечерние встречи. Первое «продолжение» разговора, которое она могла вспомнить, звучало так, как записано в моей тетради:

Начало разговора в доме номер 59 по улице Карагеоргия

Однажды вечером, когда хозяина не было в Белграде, в дом 59 по улице Карагеоргия наведались посетители. У них был ключ, оставленный им хозяином дома, и они сидели в одной из комнат перед камином, в котором потрескивали дубовые и сливовые поленья. Их было трое. Два господина в темных костюмах, один из которых за весь вечер не проронил ни слова, и барышня Даласена. Господин помоложе обращался к ней тихим решительным голосом. Его носки, как было видно по их рисунку, вязали специально для правой и для левой ноги. В самом начале разговора он сообщил, что Даласена приглашена на встречу как одна из тех, кто обратился в Универсальное научное общество по изучению новых явлений с просьбой посодействовать им в искусственном оплодотворении. Кроме того, он подчеркнул, что в любой момент она может отказаться от участия в том, что ей предложат, однако попросил сначала выслушать его до конца, поскольку оплодотворение, о котором идет речь, представляет собой совершенно особый процесс. Для большей ясности он разбил свое выступление на несколько разделов. Сначала он рассказал о научном открытии, благодаря которому они смогли собраться.

Плазма L.

Недавно было обнаружено, что кроме человеческой спермы на Земле существует еще один вид семени, не имеющий человеческого, животного или растительного происхождения. Для того чтобы потом не путаться, назовем его, к примеру, плазма L. Мы не знаем, присутствует ли она на Земле изначально или же, что гораздо вероятнее, появилась только недавно.

— И ты считаешь, что я самое подходящее место, чтобы бросить кости и

выиграть? Откуда это чудо взялось? — из полумрака подала голос барышня Даласена.

— Наиболее вероятной представляется гипотеза, согласно которой семя жизни попало на Землю из космоса. То же самое, видимо, можно сказать и о плазме L. Однако оплодотворение плазмой L. гораздо сложнее или, точнее говоря, весьма отличается от того способа, каким размножаются существа на Земле.

Отец

— Наше Универсальное научное общество по изучению новых явлений располагает компьютером с вашим именем и, кроме того, еще пятью компьютерами, которые носят другие имена: Ганнибал, Уайт, Абрахам — и имена хозяев этого дома, который сегодня вечером оказал нам гостеприимство, речь идет о госпоже Исидоре и господине Лисинском. Эти компьютеры, так же как и ваш, загружены тоннами данных о физических и психических особенностях упомянутых лиц. Некоторым, очень сложным, образом все эти лица являются отцом будущего плода.

— И все они должны делать мне ребенка? Включая женичину? А ты, приятель, можешь своей левой ногой разуть свою же правую? — высказалась из темноты Даласена и запела:

Камень живой мне верно служил, Он мне и мертвой послужит...

— Что это значит, уважаемая Даласена? — растерянно спросил человек в вечернем костюме.

— Это эпитафия тому ребенку, о котором ты говоришь. Меня все это больше не касается. Прощайте, парни, я удаляюсь...

— Не надо так нервничать, Даласена. Все эти люди просто носители плазмы L. Вы будете иметь дело только с одним из них, с господином Лисинским. Здесь, в этом доме. В его доме. Остальных вы даже не увидите. В том числе и его супругу, госпожу Исидору. Она живет в отдельном домике, во дворе, из него видны только ступеньки у входа в дом, где мы находимся. Естественно, предприятие тщательнейшим образом скрывается от госпожи Исидоры, потому что ее ревность могла бы все испортить.

Перенос плазмы L.

Оплодотворение плазмой L. в некоторых деталях происходит совсем не так, как мы могли бы ожидать. Госпожа Исидора может, например, перенести плазму L. своему мужу или кому-то из своих любовников, так же как способна и сама принять семя. Но это еще вовсе не оплодотворение.

Это всего лишь перенос плазмы L., в котором наряду с мужчинами обязательно должен участвовать и один переносчик женского пола, однако это не вы, уважаемая Даласена. Вы не переносчик, вы — будущая мать. Это вещество может превратиться в способное к оплодотворению семя только тогда, когда пройдет через тела уже упоминавшихся выше пяти посредников. Четырех мужчин и одной женичины. Причем через тело одного из посредников дважды, с необходимым временным интервалом, в начале и в конце процесса. Кроме того, плазма L. должна известное время побыть в организме каждого переносчика. Все это нам удалось определенным образом рассчитать, и мы в состоянии обеспечить правильный ритм обсуждаемой операции.

Срок и условия оплодотворения

Существует, однако, и еще одно чрезвычайно важное условие успешного проведения всей операции.

В момент передачи или приема плазмы L. каждое из пяти задействованных лиц должно находиться в определенной фазе, которую можно точно определить с помощью

астрологии и которая имеет установленное название. Это транзит, обозначаемый как: «Я не совсем понимаю, что происходит на самом деле». Такая транзитная фаза длится приблизительно три месяца. Супруги Лисинские отправились в путешествие именно сейчас потому, что наши компьютеры составили карты благоприятных для зачатия, или, лучше сказать, активных, дней для всех пяти перечисленных лиц, которые вошли на высчитанных таким образом условиях в процесс переноса плазмы L. Только одно из этих пяти лиц знает, о чем на самом деле идет речь. Это первый и последний переносчик плазмы L. - господин Лисинский. Он вернется из поездки как раз в то время, когда и вы, уважаемая Даласена, войдете в транзитную фазу «Я не совсем понимаю, что происходит на самом деле». Таким образом, оплодотворение будет осуществлено самым благоприятным образом, то есть именно в тот момент, когда транзитная фаза Лисинского под указанным названием заканчивается, а ваша начинается. Он с Юкатана принесет для вас семя, которое прошло через пять человеческих тел. Здесь, в этом доме, вы проведете с ним одну или две ночи. Вот и все.

— Нет, не все. Я думаю, ты и сам не веришь во все эти байки.

— Вы правы. Это действительно не все. Есть еще один момент, рискованный для всей операции. Еще в пятом веке врачи знали, что судьба плода зависит от того, зачат ли он в «горячем» или «холодном настроении». Это важно и в нашем случае. Если оценить силу наслаждения от полового сношения по десятибалльной системе, то можно предсказать, будет оплодотворение удачным или нет. Успешный перенос плазмы L. и, соответственно, успешное оплодотворение может произойти только в том случае, если оценка степени наслаждения составит более семи баллов. Если она ниже, переноса и, следовательно, оплодотворения не случится. Поэтому компьютеры запланировали несколько эротических встреч между лицами, о которых я вам говорил, и поэтому же им не сообщается, в решении какой проблемы они участвуют. Все должно выглядеть совершенно естественно...

— Еще не хватало, оценки какие-то выдумали! Мы что, в школе? Может, прикажете пуговицы от его штанов съесть, чтобы он доволен остался?

— Но речь идет не о нем. В данном случае оценивается наслаждение, которое испытаете вы, барышня Даласена...

Здесь мне придется прервать записи, связанные с «жизнью» барышни Даласены. Причина этого чрезвычайно проста, но она привела к невероятному повороту во всем деле. Однажды утром она влетела ко мне в страшном возбуждении:

— Как ты думаешь, они действительно могут меня оплодотворить?

— Не знаю... Будущее — вещь странная. Наше знание будущего уничтожает его, и оно перестает быть будущим, — ответила я ей. — Будущее расплетается в наши жизни так же, как может расплестись веревка... Но я больше чем уверена, что любое будущее страстно жаждет, чтобы человек воспользовался своим шансом... Однако, если ты позволишь, я бы хотела у тебя кое-что узнать.

— Спрашивай.

— Ты уверена, что эти двое действительно существуют, а не снятся тебе каждый вечер?

— То есть что значит «снятся»? — растерялась Даласена. — Ущипни себя за ухо, сестрица, но это же ты мне снишься каждый вечер. Вот сейчас, когда мы об этом говорим и когда ты пишешь. Это сон. А не то. Сон — это ты, неужели не понимаешь? Надо же, сколько во снах глупцов, просто неслыханно! Ты и твои записи и все, что тебя окружает, включая и сам монастырь Преображения, — все это мой сон.

Если не веришь, давай устроим небольшую проверку, — добавила она. — Вот скажи, ты умеешь смеяться? Не умеешь, я это уже заметила. А знаешь почему? Потому что в моих снах никто не умеет смеяться. Во снах смеха не бывает. Поэтому и ты не смеешься... Если ты мне по-прежнему не веришь, посмотри на эту икону Богородицы, которая нарисована на зеркале и на которой Она благословляет волшебный источник. Воду источника живописец не тронул краской, он оставил здесь стекло, это видно. Попробуй посмотреть на свое отражение в этой воде. Ты увидишь, что в зеркале у тебя нет головы...

Я глянула в источник на иконе и ужаснулась.

— Ну, есть там у тебя голова?

— Нету, — ответила я, окаменев.

— Это потому, что сны в зеркалах не отражаются. А ты мой сон.

Вот что говорила барышня Даласена. Тут я вспомнила, как в первый день, когда, желая уйти от нее и открыть дверь монастырского постоянного двора, я не смогла сделать этого, потому что на ней не оказалось дверной ручки. Теперь мне стало ясно, что эта дверь была не только дверью гостиницы, но и дверью сна, из которого я не могла выбраться наружу ни тогда, ни сейчас. Поэтому я сказала барышне Даласене:

— Мне страшно. А вдруг они через тебя оплодотворят и меня? Возможно ли зачать ребенка во сне?

— А ты бы хотела? — спросила барышня Даласена. — Как могут женщины, которым за миллион лет, заиметь ребенка?

— Кому же это за миллион лет?

— Тебе, вот кому Все привидения в снах стары так же, как стара человеческая улыбка.

Тут я брякнула:

— Но смех же старше человека!

— Да пошло оно все на х... — ответила на это Даласена и предложила мне: — Закрывай-ка ты, моя дорогая, свою тетрадь, время сделать перерыв. Хватит писанины. Мне пора просыпаться и идти на следующую встречу, а что будет с тобой, так это как бог даст.

Мы оба, являясь членами специальной комиссии и в качестве уполномоченных на то лиц, представляем Универсальному научному обществу по изучению новых явлений заключительный отчет о проекте «Даласена». Барышня Даласена явилась на предпоследнюю встречу в дом 59 по улице Карагеоргия в назначенное время, и ею был задан ключевой вопрос всего проекта:

Как будет выглядеть новорожденный?

— Разумеется, мы ждали от вас этого вопроса, и вы имеете полное право получить на него ответ прежде, чем согласитесь на наше предложение, — сказали мы ей. — Насколько мы знаем, ребенок будет выглядеть точно так же, как и любой другой новорожденный, однако все его органы, в том числе и органы чувств, и его члены будут иметь совершенно иное назначение, чем у остальных людей. Например, в каждом его глазу будет по три зрачка. Свой взгляд он или она сможет послать в любой конец Вселенной со скоростью, превышающей скорость света... Поэтически выражаясь, можно сказать:

Один зрачок зрит время,
вечность зрит второй,
а третий видит то, что за углом...

Эти слова вызвали у барышни Даласены тревогу, и она задала мне вопрос:

— Ты что, хочешь, чтоб я родила уродца? Говори, если я соглашусь, мой ребенок будет похож на меня? Или хотя бы на своих отцов? Или на отца-женщину?

— Ответить на этот вопрос трудно. Он не будет похож на вас. Или на них. Вы начнете походить на своего ребенка с того момента, когда произойдет оплодотворение. Это так, и с этим вам придется смириться...

* * *

Однажды вечером, когда звезды барышни Даласены вошли в транзит «Я не совсем понимаю, что происходит на самом деле», она позвонила в дом номер 59 по улице Карагеоргия. В доме ее ждал господин Лисинский, ужин и приготовленная постель, а в небольшом флигеле во дворе — его жена Исидора с заряженным револьвером. Такую опасность мы, разумеется, предвидели, однако нам пришлось пойти на риск и положиться на

то, что барышня Даласена выкрутится из этой ситуации сама.

Выходя из дома около полуночи, Даласена думала примерно следующее: «Ну если это не чистая девятка, то не знаю, что делают в постели другие женщины и куда они суют эту штуковину, для того чтобы заслужить лучшую оценку...»

В это время в маленьком флигеле из темноты прихожей за любовницей своего мужа наблюдала госпожа Исидора, готовясь выстрелить в нее через стеклянную дверь, разделявшую лестницы двух этих зданий. Но она не выстрелила, потому что окаменела от изумления. Спускаясь по освещенным ступеням дома 59 по улице Карагеоргия, барышня Даласена повернула голову и через эту самую стеклянную дверь посмотрела прямо в дуло револьвера — другими словами, прямо на госпожу Исидору Лисинскую. В каждом глазу у Даласены было не по одному зрачку, а по три, так что глаз напоминал пуговицу с тремя дырочками. И эти глаза прекрасно видели сквозь ночь и госпожу Исидору, и пулю калибра 6.35 в стволе ее револьвера. К легкому удивлению их хозяйки, они видели под платьем у госпожи Исидоры, в темноте ее груди, два прозрачных соска. Барышня Даласена приветствовала госпожу Лисинскую кивком головы и легкой походкой зашагала в полночь улицы Карагеоргия.

Она не вполне понимала, что именно происходит на самом деле, но мрак для нее больше не существовал. Нам, однако, все было ясно. Теперь из нее смотрело ее дитя.

ЛОВЦЫ СНОВ

*Действие происходит в домах Тодора Милишича и торговца
Николича, улица Карагеоргия, 42 и 44*

ЧРЕВОУГОДИЕ — четвертый из семи смертных грехов. Данте помещает чревоугодников в пятый и шестой круги «Ада» и в «Чистилище». Иероним Босх видит их стадом свиней, а Шагал на астрологической ладони с семью пальцами связывает чревоугодников со средним пальцем, который указывает на Солнце.

ДВА ПИСЬМА

Мне часто случается получать письма от незнакомых людей. Так вышло и в этот четверг. За одно утро я получил два таких письма, оба с приглашением на ужин. Причем время и день в них совпадали. Вот как звучало одно из них:

Любовь моя,

какая большая любовь не сталкивалась с непреодолимыми трудностями?

В моих снах сейчас снова осень и ночь, а после тебя осталось несколько невыметенных теней и фруктовых ароматов. Ожидая тебя, я убрала в комнате и украсила ее цветами, причесалась гребнем из козьего рога, но мои сны остались в беспорядке, а мои волосы во сне растрепаны, и нет там цветов, которые пахли бы явью, но цвели во сне, и нет гребня, который может причесать и тебя, и меня...

В зеркалах я отсыталась вволю и нежилась в ваннных комнатах. Сейчас мне хочется вон из них, хочется в жизнь.

Сегодня вечером, как только засветится циферблат часов на кафедральном соборе, я буду ждать тебя на маленьком городском рынке. Приходи еще раз посмотреть на свою былую любовь. Я жажду тебя так же страстно, как живой алчет земли, которая может родить человека. Окружи меня любовью и милостью своею: в каждом уголке уст моих горькая слеза учит о чистой небесной слезе, которая лечит. Подумай, что это, возможно,

последняя наша встреча перед страшным концом.

Тебя зовет та, судьбу которой скроил ты.

Твоя В. М.

Р. С. На Савском склоне есть два красивых особняка конца позапрошлого века. Один из них называют «дом, выкрашенный чаем». Он расположен на улице Карагеоргия, под номером 44. Там, в «доме, выкрашенном чаем», я буду ждать тебя на ужин. Если ты получишь приглашение из соседнего здания, под номером 42, того, который прозвали «голубым домом», заклинаю тебя, отдай предпочтение моему предложению.

** * **

Вот так звучало одно из тех двух писем, которые я получил в тот день от неизвестных отправителей. Второе представляло собой крайне краткое приглашение на ужин в тот же вечер, правда по другому адресу: предлагалось прийти в Голубой дом (Кара- георгия, 42). Совершенно очевидно, что именно об этом приглашении и говорилось в первом письме. Второе письмо было тоже подписано инициалами: д-р И. С.

«Я свою душу не на помойке нашел, — было первое, что я подумал, — зачем мне своими собственными ногами идти неизвестно к кому, кто не хочет назвать даже имени?»

Но потом я снова вернулся к письмам. И должен признаться, что некоторые фрагменты фраз звучали знакомо... Мне показалось, что второе приглашение, за подписью «д-р И. С.», написано мужчиной, а первое, звавшее на ужин в Дом, выкрашенный чаем, было, конечно же, самым настоящим любовным посланием от какой-то женщины. Тут я вспомнил одно изречение насчет того, что когда человеку в годах предлагают любовь, то это всегда подарок, на который он не вправе был рассчитывать. И я решил навести справки об этих домах.

Итак, речь шла о двух красивых, но изрядно обветшавших зданиях, стоявших вплотную друг к другу на побережье Савы. Оба были построены в конце XIX века; один некогда принадлежал торговцу по фамилии Николич, и над его крышей возвышалось некое подобие купола; второй, с магазинчиками на первом этаже и квартирами на втором, был собственностью некоего Теодора Милишича. И в том, и в другом доме верхний этаж был заперт на ключ, и на попытки до кого-нибудь докричаться отвечала тишина. Соседи рассказали мне, что наверху была дубовая дверь, соединявшая оба здания. Вот и все, что мне удалось узнать.

Между тем, когда я снова принялся рассматривать письма, то заметил еще кое-что: в них была использована моя манера расставлять знаки препинания. Это заинтриговало меня еще больше, я заколол галстук булавкой с зеленым камнем, предохранявшим от сглаза, и решил принять оба приглашения. Проверил, хорошо ли помню заклинание, тоже от злых чар, которое действует уже благодаря тому, что его помнишь, переложил его из дальнего кармана памяти в ближний и отправился в указанное место. Дома стоят рядом, так что установить, кто куда меня зовет, будет нетрудно, подумал я, однако, спустившись на улицу Карагеоргия, оказался перед дилеммой: куда идти сначала — в Голубой дом или в Дом, выкрашенный чаем? В конечном счете это безразлично, подумал я, держась одной рукой за булавку в галстук. А дома эти были словно две сестры, ночью краше, чем днем. Они купались в лунном свете, наполненные скрипом дверей, стуком оконных рам, потрескиванием половиц и таинственными вздохами и шепотами, которые вдохнули в них плотники, возводившие их еще в 1890 году. И тут вдруг в окнах зажегся свет. Сначала в одном блеснул желтый, потом в другом голубой, и этот голубой свет в окнах верхнего этажа показался мне двухслойным.

«Мужской и женский голубой», — подумал я и решил войти.

Дом, выкрашенный чаем

(улица Карагеоргия, 44)

Когда я вошел в просторную залу на первом этаже Дома, выкрашенного чаем, посередине я увидел роскошно сервированный стол и за ним трех красивых молодых женщин. У одной лицо было цвета миндального ореха, у другой — цвета ядра этого ореха, а губы

третьей, как в стихах, походили на раздавленную вишню. Все три были мне совершенно незнакомы...

На стенах я заметил несколько старинных полотен в черных голландских рамах. Самое большое запечатлело «заикающуюся девушку», а два поменьше — «зевающего господина» и «старуху, которая не может прекратить икать». В углу стоял рояль на колесиках, с оглоблями, словно это фиакр, только без лошади. Напротив рояля висела написанная на зеркале икона. На ней были изображены Богородица и Христос, благословляющие волшебный, животворящий источник. Вода его переливалась как настоящая, потому что кисть живописца не тронула зеркальную поверхность стекла. Рядом с иконой находилась та самая дубовая дверь, которая вела в соседний Голубой дом.

— Наконец-то! — воскликнули в один голос все три дамы и поднялись со своих мест, приветствуя меня, притом что ни одна из них не подала мне руки, словно опасаясь прикоснуться ко мне. Мы расселись за столом, служанка, одетая в белое, внесла в комнату поднос, на котором под стеклянным колпаком лежала колода карт. Сидевшая рядом со мной женщина, у которой из-за манжеты выглядывал платочек с монограммой «А», вышитой в виде еврейской буквы «алеф», взяла карты, сняла и протянула колоду мне, предупредив, что брать следует только три. По три карты взяли и остальные. После этого служанка собрала вытянутые карты, и я заметил, что, проходя мимо окна, она украдкой вытерла занавеской свое вспотевшее лицо...

— Вы знаете, зачем нужны эти карты? — спросила меня дама, сидевшая справа.

— Я все объясню, — вмешалась та, у которой был платок с монограммой. — Колода играет роль меню. Вытащив три карты, ты выбираешь, что тебе подадут на ужин. Каждой карте соответствует одно блюдо.

Однако я вижу, ты нас не узнал, — продолжала щебетать она, — Впрочем, ничего удивительного, ты и тогда не обращал на нас особого внимания, ты нас забыл еще в прошлом веке.

— По правде говоря, в двадцать первом веке я чувствую себя не самым лучшим образом. Может, поэтому...

— *Я помогу тебе вспомнить, кто мы такие, — проговорила она в ответ... — Вечером, заснув, мы превращаемся в актеров и выходим играть свою роль, всякий раз на новую сцену. А днем? Днем, наяву, мы разучиваем эту роль... А ты, ты тот, кто приходит в зрительный зал посмотреть наш спектакль, а вовсе не играть в нем. — Произнеся этот текст, красавица вперила в меня взгляд и спросила: — Итак, ты не узнал меня? Нет? А когда-то ты так меня любил!*

— Главная особенность всех нас, живущих в двадцать первом веке, — это то, что мы забываем все, что было в прошлом, двадцатом. Душа наша стала куцей и мутной.

— Но те слова, которые я сказала, неужели ты и их не помнишь?

— Нет, — ответил я.

— Это же твои слова, их сочинил ты, а я им выучилась от тебя. Я — принцесса Атех, героиня твоей книги «Хазарский словарь».

Мне стало стыдно, и я более внимательно всмотрелся в свою соседку по столу. Она была стройна, немного выше меня ростом, с крупными глазами, один из которых был зеленым, а другой фиолетовым. Но это еще не все. Ее зеленый глаз, как мне показалось, видел мир и меня прежде, чем фиолетовый. Я готов был даже поклясться, что ее зеленый глаз видел окружающее на мгновение раньше по сравнению с нашим «сейчас», а фиолетовый — на мгновение позже. Он отставал от зеленого глаза ровно на это «сейчас». Поняв это, я разволновался, потому что если фиолетовый глаз принцессы отставал от настоящего, а зеленый был устремлен в лежавшее перед ней будущее, то видеть меня принцесса не могла вовсе, ведь я-то обитал как раз в настоящем. То есть она могла видеть только какого-то другого меня. И было ясно, что она меня видит. Кого же она видела, глядя на меня, и кто сидел рядом с ней в Доме, выкрашенном чаем?

— Против сглаза? — спросила она, не отводя взгляда от моей булавки с зеленым

камнем. При этом ее фиолетовый глаз был слегка прижмурен.

— А дама рядом с вами? — спросил я, не отвечая на вопрос. — Кто она?

Та дама, о которой я спрашивал, расточала вокруг себя весьма приятный, но настолько сильный запах, напоминавший мускус, что казалось, была заключена в какую-то ароматическую оболочку... Не говоря ни слова, она начала выкладывать на стол из своей сумочки какие-то предметы, которые оказались разноцветными и очень красивыми женскими гребнями. Были среди них серебряные, хрустальные, из слоновой кости, перламутровые, эбеновые, изогнутые роговые и крохотные из нефрита.

— Ты узнал их? — спросила она меня через стол.

Когда я ответил, что нет, она добавила:

— Их подарил мне ты.

Потом она села за рояль и запела, подыгрывая себе. Слова песни мучительно пробивались сквозь ароматический кокон вокруг ее тела.

«Еще немного, и она пойдет танцевать, постукивая ложкой о ложку», — подумал я, прислушиваясь к мелодии.

— Вы знаете, что она поет? — обратилась ко мне третья дама.

— Нет! — ответил я, и это было правдой.

— Песню «Последняя голубая среда» из вашего романа «Пейзаж, нарисованный чаем». А поет ее, как и в книге, сама героиня, Витача Милут, которая и пригласила вас сегодня вечером прийти к нам на ужин.

— Что за духи она носит?

— Это не духи, так проявляется ее жажда жизни. Если вы рассмотрите ее отражение в зеркале, то увидите, что запах ее жажды имеет цвет.

Я обернулся к иконе на зеркале и посмотрел через нее на Витачу Милут. Она сидела в сотканной из ароматов голубой сфере...

В этот момент на реке загудел пароход, эхо пересчитало все окна здания и спустилось вниз по течению, в Дунай, а дубовая дверь отворилась, и в комнату вошел крупный человек без единого волоска на голове. Брови его топорщились, словно усы, а свой тяжелый взгляд, под которым стареешь, он старательно прятал.

«Рядом с такими людьми ногти желтеют, а уши оттопыриваются», — заключил я.

Он приветствовал всех, не подавая руки, а меня пропустил. Сделал вид, что не видит. Одна из красавиц шепнула мне какое-то объяснение относительно того, кто этот новый гость, но я ничего не понял. Должно быть, именно его мы и ждали, потому что на стол сразу же вынесли посуду и мы приступили к трапезе, причем каждому действительно подавали свои блюда. Мне принесли на закуску белые маслины, фаршированные тоже маслинами, но черными, жареными. Я заметил, что черенками у ложек служили ключи.

— А кто же вы, простите мне этот вопрос, — обратился я к третьей красавице, сидевшей за столом, которая до сих пор единственная обращалась ко мне на «вы». На это она вдруг тоже перешла на «ты»:

— Когда-то, в прошлом веке, ты любил и меня.

— Неужели и вас? Не припоминаю, однако вы не должны удивляться. Я давно уже не тот, что был тогда. Скажу вам откровенно, я уже больше не считаюсь автором собственных рассказов, все меньше и меньше остаюсь автором своих романов, и придет день, когда окончательно перестану им быть. Но в конце концов, откройтесь мне, кто же тогда вы?

— Я амулет. Если ты истратишь мою силу, то не сможешь больше прибегнуть к моей помощи. Если догадаешься, как снова меня наполнить, я опять буду тебе полезна. Но смотри, если амулет не служит тебе, это не значит, что он не служит кому-то другому... Я — Ерисена Тенецкая из твоего романа «Последняя любовь в Константинополе».

Опешив от ее слов, я подумал: «Ведь последний раз я читал свои книги еще в прошлом веке. Может, стоит перечитать? Кто его знает, кого там только сейчас нет...»

Тут Ерисена протянула мне книгу, раскрытую на сто двенадцатой странице, где находились те самые слова об амулете, которые она только что произнесла. Я сделал вид, что

пытаюсь дотянуться до книги, но на самом деле мне хотелось коснуться державшей ее руки. Между тем мои пальцы прошли сквозь ее руку и наткнулись на стоявшую перед ней тарелку. Я усмехнулся:

— Значит, я могу вас любить, но не могу к вам прикоснуться?

— Не совсем так, — заметила на это Витача. — Вспомни то место из «Пейзажа, нарисованного чаем», где ты говоришь, что героини романа, те самые вампиры, хотя и не сосут у тебя кровь, но иногда проникают в твой сон и крадут немного с наслаждением пролитого мужского семени, чтобы оплодотворить фантазию... Мы пришли сюда потому, что заключили пари: если ты с нами поужинаешь, то, может быть, этой ночью увидишь во сне ту из нас, которую любишь больше остальных. Господин, сидящий во главе стола, умеет читать сны и, следовательно, сможет помочь в нашем деле, поэтому мы его и пригласили. Этой ночью он поймает твой сон и расскажет нам, кого из нас троих там нашел...

Тут я повернулся к мужчине за столом.

— Разумеется, ты и меня не узнал, — не глядя в мою сторону, заговорил он. Казалось, он собирает свои тяжелые взгляды где-то внизу, может быть на полу.

— Неужели и с вами мы знакомы? — спросил я с похолодевшим сердцем.

В этот момент принцесса вскрикнула. Я тут же понял, что ее быстрый, зеленый, глаз уже прозрел что-то такое, что второй, фиолетовый, еще только увидит вместе со всеми нами. Так оно и было.

— Я Аврам Бранкович, ловец снов, тот самый, которого ты трижды убил, — напомнил безволосый.

Тут вскрикнули, прикрыв рот рукой, и две другие дамы, а до меня дошло, что черт сыграл со мной злую шутку, что не следовало мне здесь появляться и что на раздумья о том, что делать дальше, времени у меня совсем мало. И я сказал ему:

— Поскольку вы мертвы, о чем и сами только что заявили, объясните нам, каким образом вы сможете оказать этим дамам услуги ловца снов?

Бранкович ухмыльнулся:

— Разве тот, кто кого-то убил, обращается к убитому на «вы», подобно вам? Хорошо, не будем об этом. Я отвечу на твой вопрос относительно этих дам. Вспомни, ведь именно ты однажды заявил, что покойники, населяющие прошлое каждого человека, лежат в воспоминаниях как пленники или как проклятые. Они не могут измениться, не могут сделать ни одного шага, отличного от тех, что сделали когда-то при жизни, не могут встретиться ни с кем, с кем уже не встречались бы в прошлом, они не могут даже постареть. Единственная свобода, которая дана вашим предкам, целым умершим народам, состоящим из ваших отцов и матерей, — это свобода время от времени навещать вас, живых, в ваших снах.

В них мы, покойники, лица из ваших воспоминаний, обретаем немного скудно оплаченной свободы, передвигаемся, встречаемся с какими-то новыми людьми, меняем партнеров в своей ненависти и любви и обретаем нечто похожее на видимость жизни. Так что, возможно, и сегодня вечером, благодаря навыкам ловца снов, я смогу оказаться полезным присутствующим здесь дамам.

— А разве ловцам снов удастся сохранить свое умение, свой дар даже после смерти? — перебил я его.

— Мертвые не помнят, кем они были в этом мире, — ответил Бранкович, — однако их дар остается при них и после завершения жизни, потому что любой дар более стар, чем человек, и он не угасает даже после его смерти. Так что я смогу этой ночью воспользоваться своим умением, и ты это ясно почувствуешь на собственной шкуре. И можешь даже не гадать, собираюсь ли я употребить мое мастерство против тебя или нет.

С этими словами кир Аврам встал, выпрямившись во весь свой рост. Огромный и безволосый, он был страшен, но я, тоже встав, решительно подвел под разговором черту:

— Я хорошо знаю, что именно могут сделать живым мертвые, если проникнут в их сны. Мне очень жаль, дорогие дамы, но у меня нет намерения долее оставаться здесь.

— Не важно, — тут же проговорил Бранкович, — останешься ли ты здесь или уйдешь,

потому что все это ты видишь во сне, а я нахожусь здесь оттого, что охочусь на тебя в твоих снах. И уже поймал тебя, а милейшим дамам могу сообщить, что они снились тебе все вместе. Более того, это вовсе не твой сегодняшний сон, он какой-то зачерствевший, трех- или четырехдневной давности, а может, и вообще прошлогодний, точно сказать не могу, да это не так уж и важно. Кроме того, не будь все это сном, я вообще не смог бы здесь оказаться.

— Не верь ему, — сказала принцесса, обращаясь ко мне. — Ты находишься здесь, с нами, вовсе не потому, что видишь это во сне, не мы вышли из книги и вошли в твой сон, а наоборот — ты оказался в книге. Потому мы и встретились. Ты хотел увидеться с нами еще раз, до того как умрешь. Пространство, в котором мы находимся, не сон, а книга. Это единственная ощутимая реальность. Кроме того, будь даже так, как говорит он, у тебя больше нет причин для волнения. Потому что, если он отправился на охоту в твоих снах, ты бессилён ему помешать...

Эти слова привели меня в ужас. Пока принцесса говорила, я вдруг понял, что Аврам Бранкович меня не видит, ведь мертвые не могут видеть живых, более того, мне даже показалось, что он, стоя за столом, видит меня во сне, то есть на самом деле охотится на меня. Не в силах дольше выносить это, я метнулся к ближайшему выходу, которым оказалась дубовая дверь, ведущая в Голубой дом, и взялся за ручку. В тот же миг на улице зазвонил трамвай «двойка» и кто-то с той стороны нажал на дверную ручку одновременно со мной...

Голубой дом

(улица Карагеоргия, 42)

Два человека, закутанные в длинные плащи, какие давно уже не носят, и еще один в белом тюрбане со множеством сверкающих камней, одетые словно для карнавала, искали в тот четверг неподалеку от маленького рынка дом под номером 42 по улице Карагеоргия. Увидев табличку с нужным номером, они вошли в обветшавший, но все еще видный двухэтажный особняк, построенный в позапрошлом веке, с шестью окнами по фасаду, который соседи окрестили Голубым домом. В маленькой комнате под лестницей их поджидал щуплый человечек в пальто по моде шестидесятых годов, который, казалось, узнал их. Его глаза, похожие на пару селедин, по очереди ощупали пришедших. Потом он провел их на второй этаж и предложил располагаться в стоявших там старых креслах. Сам он уселся на стул, чтобы казаться выше ростом, хотя еще одно кресло, у окна, оставалось свободным. Вместо картин по стенам комнаты были развешаны многократно увеличенные почтовые марки в красивых рамках достоинством в двадцать пять пар³ и половину динара. На одной из них, фиолетовой, был поясной портрет королевы Марии, на второй, цвета сепии, король Александр Обренович с пенсне на носу, на третьей — король Петр I Карагеоргиевич.

— Известно ли, кто нас сюда позвал и зачем? — спросил, усаживаясь в кресло, более крупный господин. На голове у него не было ни единого волоса.

— Это я. Могу гарантировать, что вы обо мне никогда ничего не слышали, поэтому позвольте представиться. Доктор Исайло Сук. Профессор университета, хотя уже давно ничего не преподаю. Письма, которые вы получили, написал я, и спасибо, что вы на них откликнулись.

— А где же тот, ради которого мы пришли сюда? — спросил юноша в тюрбане. — Вы уверены в том, что он появится? И сумеет ли кто-нибудь из нас его узнать?

— Будем надеяться, что нам это удастся. Уж собственного-то убийцу узнать, наверное, нетрудно, — заметил доктор Сук.

— Но кто нам может гарантировать, что вы вообще что-нибудь знаете о нас и о том,

³ *Пара* — мелкая сербская монета, одна сотая динара.

кого мы здесь ждем? — отозвался рыжий молодой человек с усами, один из которых был серебряным.

— Доказать это несложно. Взять, к примеру, вас, господин Коэн. Помните, как вы были убиты?

— Что-то не припомню. Такого никто не помнит. Собственная смерть в памяти не остается.

— Прекрасно, — продолжал доктор Сук. — Я напому, как вас убил тот, ради которого мы здесь собрались. Дело было в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году, неподалеку от Кладова. Вы умерли во сне, который превратился в предсмертный хрип. В мгновение ока со всех предметов, окружавших вас, попадали имена, словно это были их шапки, и мир предстал перед вами девственно чистым, как в первый день творения. Одни лишь первые десять цифр и те буквы алфавита, которые обозначают глаголы, как золотые слезы сверкали над всем, что вас окружало. И тогда вы поняли, что порядковые номера десяти заповедей — это тоже глаголы и что их забывают последними, тогда, когда забывают свой язык, однако они продолжают существовать, как эхо, даже после того, как сами заповеди стираются из памяти. В тот миг вы пробудились в собственную смерть... Вот как это было.

— Хорошо, это то, что касается меня, — ответил Коэн. И при этих словах на его лице заиграла улыбка. Улыбка, которая, казалось, триста лет пролежала в банке на замороженном счету, а теперь снова была пущена в оборот. — Однако, господин Сук, откуда вы можете знать, как он убил всех троих? — тут же добавил он. — Вы что же, были сразу во всех трех местах?

— Нет. Но этого и не требовалось. Потому что всех троих он убил в одном и том же месте. И в одно время. Присутствующего здесь кира Аврама Бранковича он тоже убил на Дунае, неподалеку от Кладова, в том же тысяча шестьсот восемьдесят девятом году. Стояла весна, дул ветер, который заплетал в косички ивовые ветки, и все ивы, от Мориша до Тиссы и Дуная, стояли в таких косичках. Что-то похожее на стрелы вонзалось в ваше тело, кир Аврам, но события текли в обратном направлении, с каждой новой стрелой вы сначала чувствовали рану, потом укол, а потом боль исчезала, в воздухе слышался свист и затем звон тетивы, пославшей стрелу. Так, умирая, вы пересчитывали стрелы — от первой до семнадцатой, а потом упали со столпа и перестали считать. В конце этого падения вы столкнулись с чем-то твердым, неизменным и огромным. Но это была не земля. Это была смерть...

— К сожалению, — ответил на это Бранкович, — ты не угадал. Я — теперь можно рассказать об этом — вампир и сумел запомнить, каким образом покинул этот мир. Помню, что меня хоронили головой в ту сторону, куда обычно смотрят ноги, для того чтобы я перестал быть упырем, а кроме того, помню и то, как меня умертвили. Я прекрасно помню: пока меня душили подушкой, я понял, что человек открыл свое вчера и свое завтра с большим опозданием, миллион лет спустя после своего появления, — сначала он открыл завтра, потом вчера. Он открыл их одной давней ночью, когда во мраке угасало настоящее, стиснутое между прошлым и будущим и почти уничтоженное ими, разросшимися в ту ночь настолько, что они почти слились воедино. Поэтому я знаю и то, как я умер: это произошло в тот момент, когда прошлое и будущее столкнулись во мне и раздавили меня... Вот так это было, что ж до тебя, придется представить нам убедительные доказательства, и плохо твое дело, если выяснится, что ты пригласил нас напрасно.

— Пожалуйста, вот вам доказательства, — поспешно, словно испугавшись, заговорил доктор Сук. — Смерть, которую вы описали, тоже ваша, просто она моложе той, которую представил вам я и которую вы больше не помните. Дело в том, что вы были убиты трижды. И имеете право трижды отомстить за свою кончину. Так что имейте в виду, где-то в глубинах ваших загробных воспоминаний о жизни существует и ваша третья смерть, и именно она является самым надежным доказательством того, что я говорю правду и что вас сюда позвали не напрасно. Поэтому послушайте, как вы умерли в третий раз. Вы лежали в

неподвижной спешке в какой-то комнате за пестрой печью наподобие маленькой, словно игрушечной, церкви с красными и золотыми куполами. То горячие, то леденящие приступы боли расходились от вас кругами, словно годы вырывались на свободу из вашего тела и стремительно сменяли друг друга. Потом вдруг из вас потекло, и вместе с мочой вы освободились от всего своего прошлого и остались пусты. А потом у вас вдруг выпали все волосы, словно с вашей головы, которая была уже мертва, сшибли меховую шапку

— Где же здесь доказательство? — спросил Бранкович.

— Доказательство на вашей голове, кир Аврам. Приложите палец к темени. С того момента, который я описал, у вас на черепе нет ни одного волоска.

— Это все разговоры вокруг да около, — вмешался третий гость, с тюрбаном на голове, который, похоже, начал терять терпение. — Сначала ответь нам, ты-то сам тоже мертв?

— Разумеется.

— Когда же ты умер?

— Недавно. И меня убил тоже он.

— Значит, твоя смерть гораздо моложе наших. По меньшей мере лет на триста. Как же может кто-то, кто настолько моложе нас, знать, как умерли мы, люди, которые старше его на целых три столетия? Кроме того, если ты, так же как и присутствующий здесь кир Аврам, помнишь свою смерть, значит, ты болен. Это же почти патология. С чего нам верить таким, как вы оба? Итак, доктор, откуда тебе известно, как мы умерли?

— Это проще простого, я об этом просто прочитал. Вы — Масуди. Я прочитал, как вас убили. Вы даже не успели заметить человека, который рассек ваше тело одним-единственным взмахом сабли, так что пояс упал с вас не размотавшись. Сабля оставила после себя змеящийся след, и тело раскрылось по месту страшной извилистой раны, как рот, из которого вырвалось нечто невнятное, какое-то рычание плоти. Рассказывают, что этот страшный удар саблей навсегда запомнил каждый, кто его видел, и тот, кто его видел, говорит, что позже узнал его в книге «Знаменитые подписи саблей» некоего Аверкия Скилы, который собрал и описал в ней наиболее известные сабельные приемы. В его сборнике, опубликованном в Венеции в тысяча семьсот втором году, этот удар носит имя одной из звезд созвездия Овна...

— Так это вы там и прочитали, — заметил Масуди. — Однако я сомневаюсь, что в той же книге вы могли найти и описания смертей остальных, тех, кто погиб не от удара саблей.

— Разумеется, я нашел это вовсе не там. Остальные смерти представлены в книге «Хазарский словарь». Другими словами, тот, кто вас убил, оставил подробный отчет о том, как это было сделано. Он задумал, осуществил да под конец еще и описал эти убийства. И меня устранил тот же, кто и вас троих, так как в этой книге есть описание и моей смерти. Именно поэтому я изучил все дело и собрал вас здесь.

— Пожалуй, пора уже рассказать, что вы планируете. И почему пригласили именно нас? — спросил Коэн.

— Вы в ваших смертях, вероятно, не помните, кем были и чем занимались при жизни. Но я это знаю. Вы ловцы снов. При жизни вы умели читать чужие сновидения, располагаться и обитать в них, как в собственном доме, и охотиться, гоня сквозь них свою жертву, ту, что вам назначена, — человека, вещь или животное. Некоторым из вас удавалось проникнуть в самые сокровенные тайны, в чужих сновидениях приручать рыб, открывать двери чужих грез, заныривать в чужое забытие глубже кого бы то ни было, вплоть до самого Бога, потому что на дне каждого сна покоится Бог... Именно такие вы и были мне нужны, способные сделать то, что не в состоянии осуществить я, — отомстить за смерти, ваши и мою, тому, кто их задумал, воплотил и описал. Как вы это сделаете, трудно даже предположить, ведь я не ловец снов, но вам должно быть хорошо известно, как именно мертвые могут навредить живым. Однако прежде, чем перейти к делу, хочу вам кое-что предложить. Видите эту дубовую дверь? Она ведет в соседнее здание, которое называют Домом, выкрашенным чаем. Там, в этом доме, того же человека ждут к чаю дамы, которые питают к нему совершенно иные чувства. Поскольку и им нужен ловец снов, правда по совершенно иным причинам, я

предлагаю кире Авраму пройти туда, предложить им свои услуги и подождать прихода гостя. Таким образом, и там он от нас не уйдет.

Словно в ответ на его слова затрубил пароход, а Аврам Бранкович встал и, не говоря ни слова, прошел через дубовую дверь в соседнее здание. В Дом, выкрашенный чаем.

— Теперь мне остается только подождать, а вам придумать наилучший способ действий, — заметил доктор Сук и посмотрел на стенные часы, которые, казалось, внезапно проголодались.

— Мы можем сделать только одно, — проговорил Коэн. — Правда, не уверен, что от этого будет больше пользы, чем вреда.

— Ты имеешь в виду синдром Януса? — спросил Масуди.

— Да. То же самое с ним может проделать и кир Аврам. Мы лишим его цельности. Удвоим нашего гостя. Разделим в нем мужское и женское время. И пусть он, такой удвоенный и расщепленный на собственную мужскую и женскую природу, проведет остаток жизни в попытках привести свои четыре руки и две головы в гармонию со своим единственным сердцем. Таким образом, рано или поздно он сам себя подстережет в засаде...

— Это может получиться у нас даже раньше, чем он заснет, если мы сможем пробраться в один из его прежних снов...

С этими словами Коэн встал с кресла и посмотрел в окно. Там виднелась Сава со множеством огней по берегам. Было слышно, как по улице идет трамвай «двойка», как он спускается с калемегданского холма и подползает под мост. Коэн через занавеску прижал к стеклу муху и раздавил ее.

— Откуда ты знаешь, что он придет сегодня вечером? — нарушил тишину Масуди. — Сколько нам его ждать? Всю ночь?

— Он приглашен, — сказал доктор Сук. — Что помешает ему явиться?

— Что он, сумасшедший, чтобы прийти? И сам знает, что от нас ему добра ждать не приходится, — заметил Коэн.

— Он придет не из-за нас. Придет из-за тех, кто собрался по соседству, в доме номер сорок четыре. Их жизни он пощадил. Они примут его как благодетеля. Впрочем, мертвые не могут видеть живых. Весьма возможно, что он уже давно заявился, сидит где-нибудь здесь, прямо в этой комнате, и слушает, о чем мы говорим. Или ужинает рядом, в Доме, выкрашенном чаем, с еще несколькими гостями, среди которых находится и кир Аврам. Но это не может помешать нашим планам. Так что предлагаю вам начать охоту.

В этот момент я, устроившийся в кресле и с самого начала присутствовавший при этом разговоре, столкнулся с необходимостью что-то немедленно предпринять, чтобы не превратиться в дичь. Причем я мог сделать это незаметно, ведь мертвые не видят живых. Я осторожно пробрался между ними и подошел к дубовой двери, готовясь удрать. В тот момент, когда я взялся за дверную ручку, я услышал, как на улице зазвонил трамвай «двойка», и почувствовал, что дверь, к счастью, не заперта на ключ и что с той стороны, из Дома, выкрашенного чаем, на ручку кто-то резко нажал...

Комната, в которой исчезают шаги

Действие происходит в доме номер 9 по улице Светозара Радича

ЗАВИСТЬ — пятый из семи смертных грехов. Данте помещает завистников во второй круг «Чистилища». Босх изображает их обезьянами. На шагаловской семипалой ладони завистникам соответствует безымянный палец. Этот палец в астрологии связан с планетой Марс.

Давайте я сначала представлюсь. Меня зовут Ингерина.

Я всегда испытывала особую симпатию к Лене, героине этого повествования, хотя она и относится к тем людям, которым при прощании приходится говорить «до свидания» по меньшей мере пару раз. Но все-таки у нее была акустическая душа, в которой эхо откликалось всегда дважды, с долгой тихой паузой между откликами. И кроме того, обе мы жили в одном и том же рассказе.

«Существует такой возраст, когда на ладони начинают расти усы. Сначала у мальчиков, а потом и у девочек. Эти усы не видны, однако всем известно и то, что они есть, и то, почему они появляются. Те,

у кого их еще нет, услышав подобную новость, смотрят себе на руки и этим выдают свою тайну...» — так со смехом думала Лена, поднимаясь по ступенькам дома номер девять по улице Светозара Радича. Вход был со двора, там, где в каменную ограду сада был встроен великолепный камин из тесанных блоков песчаника. Рядом с ним росла высокая туя, похожая на кипарис. Лена снимала здесь, на первом этаже, квартиру, а точнее, одну довольно большую комнату, наполненную речным ветром с Савы. Полки с книгами какого-то покойника закрывали все стены до потолка, а в углу стояла чья-то кровать с бесчисленными подушками, жесткая, будто скамья. Книги были откормленными, как и любые книги, которые никто не читает. К одной из полок, прямо поверх книг, было приделано зеркало с дыркой в углу. Все помещение пропахло кожей и давно выкуренными трубками. Когда-то оно было мужским. Сейчас через одно окно проникал запах паприкаша, а через другое — сбежавшего молока.

Въехав в квартиру, Лена вытащила из одного кармана и спустила на пол кошку, а из другого извлекла зубную щетку. Достала из рюкзака компьютер и поставила его на умывальник, в котором так и так не было воды, а на окна вместо занавесок повесила два своих летних платья. С того дня она каждую субботу уходила в зоопарк, располагавшийся неподалеку от дома, и записывала там птичьи голоса. Начала она с чиби́са и потом продолжила по списку, составленному из названий птиц, упоминавшихся в произведениях Шекспира. Она хотела получить их общую песню и потом попытаться по ней что-то прочесть. А по четвергам она причесывалась на пробор, приклеивала на него нитку мелких стеклянных бус, которые свисали через лоб до переносицы, пускала на полную мощность музыку из кинофильма «Парк юрского периода» и собирала в этой комнате нас, своих однокурсников с факультета, где она училась. Эти сборища проходили у нее каждый четверг с одиннадцати вечера и до упора.

Помню первую такую посиделку, когда Павле Борнемиса неосторожно ляпнул, что Лена могла бы поставить нам ту самую запись с голосами птиц или рассказать, что снилось ей прошлой ночью.

Как обычно, Лена не заставила долго себя упрашивать.

— Мне снился мрак, понимаешь! Вроде как иду я через кладбище, какой-то серый свет, тяжелее воздуха, оседает на крестах, а я словно ищу чью-то могилу, точно не знаю чью, но знаю, как она выглядит. Пробираюсь с трудом, ноги путаются в траве, но все-таки как-то продвигаюсь и уже вижу — в сумерках белеет то, что я ищу, большое мраморное надгробие. На нем нет имени, но есть фотография, даже издалека хорошо видно овальную рамку в золотой каемке, как это обычно бывает на памятниках. Подхожу поближе, чтобы рассмотреть лицо, и просто столбенею на месте. Вместо фотографии в рамку на надгробном камне вставлено зеркальце. Чудесное хрустальное зеркальце. Знаю, что если посмотрюсь в него, там отразится мрак, полный мрак, понимаешь, но что-то меня словно подталкивает или тянет заглянуть в зеркальце, понимаешь, прямо тянет. К тому же высота памятника ровно в рост человека, так что посмотреться легко, и я не могу удержаться и смотрю. А оттуда на меня глядит вовсе не мое, а чье-то чужое лицо. К тому же мужское. Тогда я улыбаюсь, чтобы проверить, кто все — таки там, в зеркале, я или не я, но эта бородатая физиономия тоже улыбается, и при этом у типа во рту блестит золотой зуб... Просто полный мрак, понимаешь...

Я не любила подобные Ленины истории и, чтобы оживить нашу вечеринку, сказала:

— Вы не поверите, но Игорь в прошлую пятницу целовался просто феноменально, с привкусом горячей белой шелковицы... Прокопию это по-прежнему лучше всего удастся после выкуренной «гаваны», Ида совершенно незабываемо чмокалась, пока была беременна, а сейчас — ничего особенного.

— А Лиза?

— У Лизы лучше всего получается, когда она попеременно целуется то с мужчиной, то с женщиной. Что касается меня, я люблю делать это на глазах у компании, когда мы все в стае, вот как сегодня вечером...

— А у кого самые сладкие поцелуи?

— У Павле Борнемисы. Но он, правда, предпочитает заниматься этим наедине. Может быть, оттого, что знает французский. Те, кто говорит по-французски, целуются иначе, чем другие. Впрочем, точно не знаю, например, с русскими я не целовалась, но предполагаю, что они проделывают это совсем не так, как те, что говорят тебе «добрый вечер!» по-итальянски.

— А я? — спросила меня Лена.

— Ты, Лена, вообще не умеешь целоваться, у тебя слюна соленая, — отрезала я, — и ты никогда не смотрела фильм «Третий человек»⁴. Ты только везде рассказываешь свои сны. И эти твои вечеринки ужасно скучные. Всегда одни и те же лица, никого нового.

— А кого ты мне предлагаешь пригласить?

— Ну давай позовем какого-нибудь читателя.

— Какого еще читателя?

— Да хотя бы читателя этого рассказа. Почему бы ему не прийти? Видишь, как он устался на нас! Слышит нас через три тишины. Вот бы узнать, как он целуется... И умеет ли ездить на велосипеде задом наперед, сидя на руле.

— А как его сюда привести?

— Вот это как раз нетрудно, — вмешался в разговор Павле Борнемиса, — пусть его найдет и пригласит Яуцин, он, как будущий издатель, разбирается в читательской братии. Кому же, как не издателю, заниматься поисками читателя?

— Ладно, только когда я его приведу, не накидывайтесь на него сразу с вопросами, типа как его зовут. И становится ли он правым башмаком на левую штанину, когда стаскивает с себя брюки, или наоборот. Это неприлично. Читатели очень застенчивы. В один момент испаряются. Можете попросить его подписать какую-нибудь книгу, но никаких вопросов.

— Хорошо, а ты приведешь читателя или читательницу?

— Кого найду.

— А что, это редкие звери?

— Зависит от рассказа. Иногда их даже бывает много. Столько, что не поместилось бы в такую комнату, как наша.

— Только смотри, чтобы вместо читателя тебе не попался какой-нибудь сопляк с факультета.

— Ну, это-то проверить как раз несложно. Пусть, когда я его приведу, Ингерина встанет напротив зеркала с дыркой и внимательно проследит, отразится ли наш гость в зеркале. Если она не увидит там его лица, значит, он настоящий. Потому что читателя нельзя увидеть в бумажных зеркалах из книг, таких как наше.

Конечно, никто не поверил, что Яуцин выполнит свое обещание, однако в следующий четверг в комнату влетел Павле Борнемиса, вынул изо рта свою неизменную трубку и выпалил:

— Он пришел!

— Кто пришел?

⁴ Криминальная драма в жанре нуар с участием Орсона Уэллса и Джозефа Коттона (1949). Режиссер — Кэрл Рид

— Читатель!

— Как он выглядит?

— В кожаной куртке, рукава блестят, как сапоги.

— Где ты его нашел?

— Он сам пришел, через камин в саду. Но отказывается войти. Представляете, эту комнату он называет комнатой, в которой исчезают шаги.

— Что он имеет в виду?

— Спросите сами. Он говорит, что уже бывал в ней. И что сделал здесь несколько шагов, а потом их потерял.

— Врешь!

— Может быть, хотя, однако, между тем, должно быть, нет... Конечно вру.

Эти слова Павле вызвали взрыв смеха. И тут, к общему изумлению, вошел Яуцин, за которым действительно следовал гость. Это был какой-то совершенно незнакомый нам чудной тип, немного моложе нас. Пока он по порядку знакомился с присутствующими, Павле шепнул мне:

— Если ты угостишь его сигаретой, то он сначала вытащит из кармана компас, чтобы определить, где юг, и только после этого закурит...

Я рассмеялась и встала рядом с продырявленным зеркалом, чтобы проверить, кто он такой. То есть читатель он или нет. В зеркале никого не было. Там просматривалась только его тень, распростертая по книгам, стоявшим на полке. Тут он рассмеялся, одновременно рассмеялась и его тень.

— В этом зеркале ему не удалось бы побриться, — заключила я. — Значит, он настоящий!

Когда все сели, Яуцин триумфально заявил:

— Вы не поверите, но наш гость знает автора этой истории!

После таких слов поднялся невероятный галдеж, а Лена прямо спросила:

— Разве у нашей истории есть автор? — в ответ на что все засмеялись, а читатель сказал, что да, есть, что он видел его один или, может быть, два раза и даже с ним вместе, в компании, пил кофе...

— А он что-нибудь рассказывал при этом? — Да.

— Может быть, что-то в связи с какой-нибудь своей историей?

— Вот именно. Дело было так.

История об истории

— Знаете, когда человек бывает самым умным? — спросил нас писатель в тот вечер за кофе. — Не знаете? Ну так я вам скажу. Нужно взять около литра медовой ракии, той самой, от которой и на третий день валишься со стула, немного очищенных яблок «Петровича» и соленых огурцов. Пить нужно из самых маленьких, крошечных рюмочек, медленно, в обществе одного, самое большее двух настоящих друзей. И обязательно с хлебом. Выпить все, лечь спать, и когда во сне с тебя сойдет похмелье, проснешься умнее, чем когда бы то ни было. Но имейте в виду, длится это недолго. Постоянно быть умнее всех не может никто... И вот вчера взяли мы с Алексой медовой ракии, выпили, и уже под утро я отправился домой проспать. Заснул, во сне освободился от похмелья, как и следовало, но проснуться никак не мог. Сплю, сплю, во сне разгоняю хлопучками каких-то скакунов, как тут из мрака возникает женская рука и вытаскивает меня из сна. Я в ужасе вскакиваю и спрашиваю:

— Кто ты такая?

— Я — твоя история, — отвечает из темноты женский голос.

— Какая еще история?

— Понятия не имею. Ты меня еще не написал.

Я пытаюсь нащупать выключатель, чтобы зажечь свет, а она говорит:

— Не зажигай!

— Но я хочу тебя увидеть, — отвечаю я и чувствую через темноту, как чудесно пахнет эта рука, которая меня тербит.

— Если ты не видишь меня в темноте, не увидишь и при свете.

— Так что же мне делать?

— Вот уж глупый вопрос! Включай компьютер, а не то я уйду к кому-нибудь другому.

«Тут уж не до шуток», — подумал я, а мои мысли, чистые и быстрые, рванулись в сторону утра, которое уже стучало в окно стеклянными перстнями. Это та самая мудрость, о которой я вам говорил. Похожая на молнию или солнечное молоко. Я включил компьютер и написал историю.

— Расскажи!

— Не могу. Ее больше нет.

— Что, улизнула?

— Напротив. Она великолепно удалась, словно кто-то водил моей рукой. Когда я ее закончил, уже начало светать, но я, усталый и довольный, прилег еще немного вздремнуть, однако вскоре меня разбудило поросячье верещание холодильника, у которого включился мотор. Тут я, полусонный, все еще валяясь в постели, услышал, как в полумраке комнаты кто-то жует. Встал, осмотрелся — никого. Снова лег, и снова кто-то зажевал — кажется, возле стола. Слышно было прекрасно, даже кости на зубах трещали. Разозлившись, я вскочил и зажег свет. И увидел, что компьютер пожирает мою историю...

«Что это ты делаешь?» — спросил я его потрясение, а он ответил: «Писатель, который умнее своих историй, ошибся в выборе профессии».

— Это означает, что рассказ пропал? — спросили в один голос присутствующие.

— Да, его больше нет, — ответил писатель, — вернее, то, что осталось от истории, я назвал «Комнатой», в которой исчезают шаги»...

После этих слов общий интерес резко пошел на убыль. Напрасно читатель пытался объяснить, что, услышав от писателя этот рассказ, он тут же взялся читать ту историю, о которой шла речь, напрасно Лена предлагала гостям виноград, хлеб и ракию — разочарования было уже не рассеять. Обнаружилось, что Яуцин умнее читателя, что в эротическом смысле я опытнее его, а апофеозом стал тот момент, когда мы начали кормить у окна галок, которые прилетели в сад с берега реки. Читателя они совершенно не боялись, оказалось, что они его просто не замечают. Птицы вели себя так, словно его не существует, и он схватил одну из них за лапку. Галка улетела, не почувствовав, что он ее держит. И тогда читатель рухнул в кресло, прямо на Ленину кошку, которая при этом даже не шелохнулась, и начал делиться своими воспоминаниями.

И тут возникло ощущение некоего волшебства. Читатель не только умел складно говорить, его, видимо, переполняли эмоции, которые необходимо было выпустить на волю, чтобы они не разорвали его на части. Напряжение нарастало, мы просили его продолжать, некоторые девушки прослезились, потому что история была о любви, но тут вдруг прямо посреди фразы Павле Борнемиса перебил его, торжественным тоном заявив:

— Да он просто пересказывает нам фильмы! Это вовсе не его воспоминания, а фильм «Касабланка». А то, что он рассказывал прежде, сначала был «Рублев», а потом Бергман, «Фанни и Александр»...

— Довольно лежалый товар для того, кто так хорошо целуется, — заметила я.

На этом вечеринка закончилась. Тем не менее читателя пригласили прийти в следующий раз, а я, провожая его до двери, скромно подумала: «Кто знает, может, самая хорошая пища — это вода, а самое хорошее питье — воздух...» Лучшие, вероятно, отправились к лучшим, а нам и такой-то едва достался.

Однажды осенним вечером, снова ожидая гостей, Лена смотрела, как на речной берег слетаются галки, тяжелые и пузатые, словно беременные. Когда стемнело, она принялась раскладывать пасьянс и слушать, что говорят ей карты, которые смотрят влево и видят

прошлом. Лена, так же как и мы, плохо знала свое вчера. Поэтому и гадала о нем. Было уже поздно, и Лена удивлялась, что никого из нас нет. Тут кто-то позвонил в дверь, и появился читатель. Он держал в руках бутылку пива и бумажный стаканчик.

— Удивительно, что не пришли, как обычно, и остальные, ведь сегодня четверг, — сказала Лена.

— Потому что сегодня среда, — поправил ее читатель, развалился в кресле, опять прямо на кошке, и налил себе в стаканчик пива. Лену удивило, что он пьет один, а ей даже не предлагает, и она спросила его, почему он пришел в среду.

— Не дочитал рассказ, ну и решил, давай-ка пойду сегодня. Я хорошо помню день, когда начал читать его. Здесь еще никого не было, только ты и эта комната. Я помню, как здесь были расположены все вещи в тот момент, когда я читал. Помню, как из одного окна пахло паприкашем, а из другого несло сбежавшим молоком, помню, как прервали мое чтение и мне пришлось спуститься в подвал. А читать было так здорово... Ладно, не будем больше об этом.

— Мне кажется, — перебила его Лена, — в прошлый раз у тебя были черные глаза, а не желтые.

— Вполне возможно, — ответил он и добавил: — Скажи, что тебе снилось этой ночью? Я знаю, ты любишь рассказывать сны.

— Откуда ты знаешь, что я люблю рассказывать сны?

— Так я же об этом прочитал.

— Где?

— Как «где»? В этом рассказе.

— Ингерина все наврала. Дело, к сожалению, обстоит совсем не так. Я вообще не умею видеть сны. Каждую ночь кто-то идет впереди меня и открывает двери моих сновидений, но я не умею в них войти. Не умею оттого, что такой создана. Я никогда не видела ни одного сна. К сожалению. Потому что Бог заглядывает не в наши мысли, а в наши сновидения. Он сидит там и ждет, когда мы появимся и Он будет любить нас. А я этого лишена... Наверное, именно поэтому я и люблю рассказывать сны. Но так как своих у меня нет, приходится их выдумывать или пересказывать чужие. Но ведь тебя интересует мой, а не чей - то чужой сон, правда?

— Это действительно неприятно. А я могу тебе как-то помочь?

— Можешь. Мои друзья все время упоминают один фильм, который видели все, кроме меня. Вот бы ты его рассказал!

— Какой? — нетерпеливо спросил читатель.

— «Третий человек». Ты его смотрел?

— А как же, конечно. Дважды. Это мой самый любимый фильм.

— Всего два раза? — удивилась Лена.

— Дважды в день. В Кинотеке. Сначала на дневном сеансе, а потом на вечернем. И так целый месяц. Потом его больше не показывали.

И тут читатель начал пересказывать Лене фильм «Третий человек».

Где-то в середине рассказа Лена прервала его вопросом. Так что он не успел познакомить ее с той частью, где Орсон Уэллс и Джозеф Коттон встречаются на огромном колесе обозрения посреди венского Пратера. Вопрос Лены был таким:

— А этот Орсон Уэллс, он что, был против детей?

— Ну не он лично, а его герой из фильма.

— Что это за «герой из фильма»?

— Что-то вроде тебя в этом рассказе.

— Правда? А Расскажи, как там у вас, снаружи? Как в фильме? Или как здесь, в книге?

— Как тебе сказать... Времена года у нас не такие, как здесь. У вас здесь сейчас осень, птицы летят через дождь, паутина мокрая, а у нас там весна.

Он смотрел сквозь нее, как сквозь воду.

— Я не это имела в виду. Как вы там живете? — уточнила Лена.

— Жизнь болезненна. Каждое мое движение — ошибка, каждое мое слово — ошибка. И за каждую из этих ошибок приходится дорого платить... Будущее у нас похоже на какую-то бескрайнюю бессонницу, а человек на улитку, его слизистое прошлое тянется за ним, как прозрачный след, а будущее ему приходится взваливать себе на плечи, как домик, в который он, скрючившись, забирается каждый вечер, чтобы переночевать...

— Ух ты, блин, здорово у тебя получилось... Но я вовсе не про это спрашивала. Правда ли, что у вас там сейчас война, падают бомбы и нет больше телебашни на Авале и мостов в Нови-Саде?

— Да. Это правда.

— А погибнуть кто-нибудь может?

— Может.

— И ты?

— Любой может.

— Не возвращайся туда. Оставайся у меня ночевать. Здесь, в моем рассказе, ты в безопасности.

Он улыбнулся. Она сжала его руку... И тут же почувствовала, как от ее прикосновения его рука начала расти. Она росла все больше и больше. Потом она почувствовала, что на ее ладони, той, которой она касалась его руки, начали прорасти усы. Читатель поцеловал ее, и, когда он в нее проник, она почувствовала, как там, в ней, глубоко внутри, бьется его огромное сердце.

Потом они оба заснули. Во сне он постоянно старался прижаться к ней, так что под конец Лена оказалась на самом краю постели. Чтобы не упасть, она встала, обошла кровать и легла с другой стороны, за спиной читателя.

Когда она проснулась, его не было. В ближайший четверг он не пришел. Он вообще больше не приходил.

— Почему не заходит твой любимый читатель? — спросила Ида у Лены в один из четвергов.

— А зачем ему приходиться? — вмешалась я, потому что всегда могу прочитать по лицу, кто с кем целовался. — Он отлично целуется, — добавила я, — а Лена целоваться не умеет. Что ему здесь делать? Давайте теперь позовем какую-нибудь читательницу и подсунем ей Павле Борнемису. Он ей наверняка понравится, и она не улизнет, как Ленин кавалер...

— Может, наш читатель погиб, поэтому его и нет, — задумчиво сказал Павле Борнемиса, и Лена при этих словах вздрогнула. По вечерам она иногда вспоминала недорассказанный фильм и вкус поцелуя, который читатель оставил в ней. Она вспоминала его взгляд, который долго добирался до нее, по пути меняя цвет: желтый, голубой, зеленый, сине-зеленый, белесый, красный, черный, и — хоп! — останавливался на Лене. И читатель тогда казался волшебным драгоценным камнем, который переливается для нее... Иногда она шептала: «Когда приходит время ужина, будь добр, думай обо мне. Это станет для меня пищей. А утром, на завтрак, улыбнись мне...»

Зима состарилась, Лениной беременности шел уже седьмой месяц, она чувствовала, как под сердцем у нее шевелится маленькое новое существо. Она была счастлива, и ей казалось, что она стала похожа на стрелку компаса, которая показывает правильное направление пути. И тут с ней произошло нечто неслыханное. Впервые в жизни она увидела сон. Ей снилась ночь и в ночи огромное колесо со множеством светящихся кабинок. Оно вращалось, как карусель... Полный мрак, понимаешь! Проснувшись, она была сама не своя от счастья. «Счастье — это единственная бесплатная вещь на свете», — подумала Лена. Тут проснулось и шевельнулось в ней ее дитя. От этого чудесного, едва ощутимого движения Лену пронзила мысль, что сон приснился не ей, потому что она не умеет видеть сны, — колесо во сне видел ее ребенок.

Так как читатель не до конца рассказал ей фильм, Лена не могла знать, что дитя,

спавшее в ней, видело во сне одну из заключительных сцен фильма «Третий человек». Тот самый, недорассказанный фрагмент, который читатель унес, оставив в ней свое семя...

Чай для двоих

Если место действия рассказа Белград, то события разворачиваются на террасе ресторана «Вопросительный знак», улица Короля Петра, 6. Если же дело происходит в другом месте, то так, как указано в рассказе.

АЛЧНОСТЬ идет шестой в перечне смертных грехов. Данте помещает сребролюбцев вместе с ворами, в восьмой круг «Ада». Иероним Босх изображает их в виде сорок и рыб, а на картине Шагала, на астрологической ладони с семью пальцами, им соответствует один из мизинцев, считая справа налево. Их планета — Юпитер.

I

Дорогой читатель, автор советует вам не браться за этот рассказ в среду и ни в коем случае не делать этого, пока не наступил май. А лучше всего рассказ читается вечером в постели. Вы сами поймете почему. И скажу сразу — в рассказе нет героев, единственные герои — это вы, читатели.

Я знаю, что, когда я все это пишу, мой левый глаз смотрит на бумагу как глаз моего отца, а правый — как глаз моей матери. Возможно, именно поэтому получается не рассказ, а что-то вроде любовного напитка, и строки становятся руководством для употребления этого эликсира.

Вы знаете, что различие между любовью и любовью может быть большим, чем различие между любовью и ненавистью. Быть может, поэтому каждая большая любовь начинается с трех маленьких обманов. Вот их-то, эти три маленьких обмана, и надо налить в рассказ, чтобы получилась основа любовного зелья.

Дорогие читатели, кем бы вы ни были, мужчиной или женщиной, и как бы вас ни звали, первым обманом станет ваше тайное, то есть ложное, имя. Итак, с этого момента имя читательницы рассказа будет Асенета, так звали жену Иосифа Прекрасного, а тайное имя читателя — Аристин, так звали одного писателя XII века.

Но вы, дорогие Асенета и Аристин, сможете воспользоваться предлагаемым любовным напитком, только пройдя своего рода инициацию, иными словами, только в том случае, если вам удастся стать героями нашего рассказа. А это сможет сделать далеко не каждый из вас. Кроме того, следует учесть, что вы подвергаете себя опасности, так как превращение читателя в героя книги дает писателю возможность причинить ему вред или даже убить, написав всего лишь пару строк. Но наша цель не смерть, а любовь, и речь идет не о яде, а о любовном напитке. Поэтому храбро шагните вперед и выслушайте первые указания. Сначала все покажется довольно несложным — нужно, чтобы в ближайшем будущем вы три раза солгали, а в недавнем прошлом с вами кое-что случилось. Какое-нибудь на первый взгляд мелкое и незначительное происшествие, являющееся тем не менее условием, без которого любовный напиток получить нельзя.

Далее следуют указания — сначала для Асенеты, а затем особо для Аристина, ведь они различаются в зависимости от того, кому адресованы.

Указания для Асенеты

Дорогая Асенета!

Пусть ваши волшебные черные глаза разбрасывают душистые взгляды, а возможно, вы засевааете землю драгоценными тенями или, по выражению одной писательницы, пишете одеколоном, но все это не поможет вам стать героиней нашей книги. Стать ею сможет только та читательница, которая потеряла ключ незадолго до того, как однажды прилегла почитать этот рассказ. Любой. Ключ от шкатулки с косметикой, ключ от своей машины, ключ от чужой квартиры — значения не имеет. Если это случилось с вами, вы на правильном пути, и тогда только вас можно считать героиней этого рассказа, и только вам принадлежит ложное имя Асенета. Вам — и никому другому. Остальные читательницы могут бросить эту книгу, потому что к ним она больше не имеет никакого отношения.

Следующее, что вы должны сделать, дорогая Асенета, это увидеть один сон. Когда-то цареградские монахи лечили больные сновидения своих братьев и других людей тем, что в одну из ночей все вместе видели один и тот же заранее описанный сон. Нечто в этом роде потребуется и сейчас. Только на этот раз вам будет предложен женский сон, и мы воспользуемся тем, который однажды приснился моей сводной сестре. Итак, читательница, которая взялась за чтение этого рассказа после того, как где-то потеряла ключ и тем самым получила право на тайное имя Асенета, должна увидеть во сне следующее:

ЖЕНСКИЙ СОН

Мне снится, что я иду ночью по пустынной улице. Поздно, темно, меня охватывает страх, и вдруг я слышу у себя за спиной шаги. Тяжелые шаги, которые все ускоряются. До дома еще далеко, я стараюсь идти быстрее, а потом в панике бросаюсь бежать. Тяжелые шаги учащаются, незнакомец позади меня тоже бежит. Он преследует меня. На каком-то повороте мне удастся краем глаза увидеть его. Муж: чина выше меня ростом молча бежит в темноте все быстрее и быстрее. Потом улицы кончаются, но все вокруг застроено домами, мы бежим через дворы, взбираемся по старым лестницам, оказываемся то на галерее, то в прихожей какой-то заброшенной квартиры. И вдруг, как это обычно бывает во сне, ноги перестают меня слушаться. Я продолжаю бежать, но не двигаюсь с места, а передо мной зияет темнотой арка какого-то дома. Я цепенею от страха. Незнакомец приближается, его тень уже почти касается меня, но в последний момент преследование вдруг прекращается, он останавливается на углу, поворачивается лицом к стене и долго, долго мочится...

Утром, как только вы проснулись, дорогая Асенета, вам, разумеется, сразу стало ясно, что ничего у вас не вышло. Вы видели во сне не то, что было задано, а нечто совсем другое, бог знает что. Но не расстраивайтесь. Ничего страшного. Сон вам был задан вовсе не для того, чтобы вы его увидели (сегодня такое не сумел бы сделать никто), а для того, чтобы вы его хорошенько запомнили. Есть и еще одна причина, но все в свое время. Сейчас вам следует найти какую-нибудь вашу сережку. Безразлично какую. Понадобится вам только одна. Положите ее в сумочку.

В ближайшую среду вы должны прийти на террасу того ресторана в вашем городе, который находится ближе всего к собору (здесь, в Белграде, это улица Короля Петра, 6, ресторан «Вопросительный знак»). Вам следует сесть на солнышке приблизительно в полдень и заказать чай. Пока будете его пить, положите на стол ту самую сережку. После этого вам больше ничего делать не нужно, остается только ждать. Ждать того молодого человека, который положит на стол перед вами ненарезанный ключ. Но ожидание — трудное

дело. И хорошая школа... Следует, однако, иметь в виду, что на этом месте рассказ может перестать быть классической любовной историей. Потому что одному богу известно, кто случайно окажется на террасе ресторана в среду, чтобы встретить за чаем того, кого ему не хватает в жизни... А может быть, ни в эту, ни в следующую среду никто с ключом и не придет. Или окажется, что десяток девушек с сережками на столе будут ждать одного-единственного юношу с ненарезанным ключом.

Так что рассказ может превратиться в магазин любовных напитков, но такое питье, как и все волшебные зелья, небезопасно.

* * *

На этом месте я вдруг прекратил писать, потому что в уме у меня с кристальной ясностью возник вопрос к самому себе: «Зачем ты ее обманываешь? Зачем обманываешь Асенету, прекрасно зная, что совершенно не известно, произойдет ли что-нибудь в ближайшую среду на террасе вышеупомянутого ресторана, а если и произойдет, то кто знает, что именно?» Немного подумав, я себе ответил: «Затем, что каждая большая любовь начинается с трех крошечных обманов...»

Указания для Аристина

1

Дорогой Аристин, возможно, у вас такие руки и такой голос, что у женщин начинают дрожать уши; возможно, ваши усы украшают вашу улыбку, а ваша улыбка украшает ваши усы, но все это не поможет вам стать героем нашего рассказа. Читатель с легкостью догадается, что истинным героем является он сам. Именно он и есть тот единственный мужчина, у которого все должно получиться, если вечером, стоит ему прилечь на кровать почитать этот рассказ, он вспомнит, что недавно нашел в траве или на улице потерянную сережку. Обычную женскую сережку, не обязательно дорогую. Это значит, что именно он — избранник. И только он имеет право носить тайное имя героя этой книги — Аристин. Остальные могут прекратить все дальнейшие попытки, потому что написанное в этом рассказе больше не имеет к ним никакого отношения.

2

Если в указаниях для Асенеты вы прочитали пункт номер два, отнесите его содержание и к себе. Вам в тех же целях придется увидеть один сон, но теперь это будет мужской сон, и если его удалось увидеть мне, то, наверное, это получится и у вас, Аристин...

МУЖСКОЙ СОН

Мне снится, что я лежу в какой-то кровати. Надо мной деревянный потолок, а к нему прикреплен четырехугольный стол, накрытый к обеду. Кажется, что он приколот гвоздями к вывернутому наизнанку дощатому полу. На столе стоят и не падают перевернутые тарелка с едой, вилка, ложка и нож, блюдо с хлебом и стакан ракии из чернослива. На тарелке сом, по всей вероятности такой, как его готовят на день святого Николая — запекают на воде. Потолок низкий, и стол висит как раз на таком расстоянии от меня, что я могу, лежа в постели, вытщить ракию и пообедать, пользуясь всем тем, что на нем находится. Все это так легко, что я чувствую настоящее наслаждение, покой и счастье, неведомые на земле. Все как-то естественно, все соответствует телу, некоему астральному телу, связанному с моим земным телом через астральный пупок... А здесь, на земле, я иду через лес, и каждый листик причиняет мне боль. На самом деле человек — вечный путник. Особенно во сне. Человек как улитка, он оставляет за собой невидимый и прозрачный след прошлого, а будущее тащит на плечах, словно домик. Он забирается в него каждый вечер, чтобы преклонить голову и переночевать. Куда он держит путь?

Вероятно, дорогой Аристин, вам не удалось увидеть описанный сон и отвесть во сне святоникольского сома, запеченного на воде. Но не отчаивайтесь. Вы уже заглядывали в указания для Асенеты и знаете, что сон был предложен вам не для того, чтобы его увидеть. Поэтому продолжайте идти вперед, то есть зайдите в мастерскую и купите там ненарезанный ключ.

В ближайшую среду пойдите на террасу того ресторана, который в вашем городе находится ближе всего к собору (здесь, в Белграде, это улица Короля Петра, 6, ресторан «Вопросительный знак»). Вам надлежит прийти туда в полдень и отыскать особу женского пола, которая пьет чай, а на столе перед ней лежит одна сережка. Подойдите к ней, положите на стол ключ и спросите, нельзя ли присесть рядом. Если она откажет, представьтесь ей, скажите, что вас зовут Аристин. Если это Асенета, можно предположить, что в таком случае она предложит вам присесть, и тогда вы расскажете ей, что вам приснилось накануне. То есть тот сон, который вам задано было увидеть, но который вы на самом деле не видели. Расскажите его, как будто он вам действительно приснился, хотя это и не так. Если и она перескажет вам сон, который был задан ей и о котором вы узнали из этого рассказа, ваша цель достигнута, все условия соблюдены. А именно то, что каждая большая любовь начинается с трех маленьких обманов. Вы оба частично уже выполнили эту норму, поведав, что видели во сне то, что вам не снилось, и сообщив о себе ложные сведения, то есть представившись ненастоящими именами. Это значит, что вы на правильном пути к тому, чтобы испытать любовный напиток и стать героями рассказа о великой любви. Если, дорогой Аристин, Асенета вас спросит: «Почему именно ключ и почему именно сережка?» — вы ответите: «Ни ключ, ни сережка сами по себе совершенно не важны. Важно то, что мужчины обычно не слишком внимательны, поэтому достоин внимания тот, кто сумел заметить в траве или на тротуаре потерянную сережку. Девушкам же обычно недостает забывчивости, поэтому заслуживает внимания та, что может потерять ключ. Эти двое, по всей вероятности, могли бы стать гармоничной парой...»

* * *

На этом месте я во второй раз прекратил писать, потому что в уме у меня с кристальной ясностью снова возник вопрос к самому себе: «Зачем ты его обманываешь? Зачем обманываешь Аристину, если прекрасно понимаешь, что абсолютно ничего не известно? Ведь те, кто предпримет такую попытку, на своем опыте убедятся в том, что связь, установленная с помощью ненарезанного ключа и сережки, не бог весть что. Может, к примеру, оказаться, что Асенета и Аристин просто не понравятся друг другу. Или, хуже того (и я уже думал об этом), может случиться, что Асенета или Аристин вообще не встретят никого, кто захотел бы выпить с ними чаю на террасе ближайшего к собору ресторана. Да кто его знает, что может произойти! Может зародиться дружба двух молодых людей, взаимовыгодное общение старика и девушки, разговор двух старушек, связь двух лесбиянок и вообще все, что угодно. Итак, зачем ты обманываешь Аристину?» — «Затем, что каждая большая любовь, — напомнил я самому себе, — начинается с трех маленьких обманов...»

II

Однажды, почти через два года после того, как этот рассказ был написан и опубликован в журнале, у меня дома раздался телефонный звонок, и мужской голос сказал, что мы незнакомы, что он мой читатель и что он хочет сообщить мне кое-что необычное в связи с

рассказом «Чай для двоих». Мы договорились встретиться на террасе ресторана «Вопросительный знак». В то время мне было уже за семьдесят, я вступил в XXI век и начал совершенно бессистемно забывать разные вещи — как стреляют по воронам, как бросают по воде камешки, чтобы они подскакивали, как пятясь задом выходят из двери и как звучат дни недели в русском и во французском языках, при этом в памяти всплывали англий-

ские названия, хотя раньше я никогда толком не мог их запомнить. Короче говоря, душа моя была уже в носу, а ведь каждое утро мне приходилось чихнуть. Правда, смеяться я еще не разучился. Я рассмеялся в трубку, он — нет, и мы встретились в «Вопросительном знаке». Он пил кофе и читал газету «Глас общества». Он находился в самом расцвете сил, в том возрасте, когда достоинства еще не начали переходить в пороки. Весь в черном, хорошо одет, с тремя проглядывавшими друг из-под друга прозрачными лицами, каждое из которых было по-своему красиво. И с тремя видами волос на голове — щетиной, чем-то вроде перьев и короткой колкой травой на темени. Он мог взглядом заморозить воду в своем стакане... Я растерялся и шепнул про себя: «Бог лечит, мы лишь бинтуем...» Поведал он мне следующее.

Рассказ читателя

Прежде всего скажу вам, я не из тех, кто глотает книги. То, что я прочитал ваш рассказ, — просто чудо, и вот как было дело. Однажды я гулял в Калемегдане, и вдруг, совершенно случайно, мой взгляд упал на какой-то блестящий предмет в траве. Я наклонился и обнаружил женскую сережку. Она немного погнулась, должно быть на нее наступили,

я, поразмыслив, сунул ее в карман. И потом о ней забыл, ведь карман — это лучшее место для забытых вещей. Надев через несколько дней тот же пиджак и нащупав в кармане сережку, я вначале даже не понял, как она там очутилась. Потом я отправился в торговый центр «Миллениум-базар» к ювелиру, моему школьному другу.

— Откуда у тебя эта штуковина? — спросил он меня.

— Нашел.

Рассмотрев сережку через лупу, он сказал:

— Золото, четырнадцать карат, с тремя бриллиантами. С тремя настоящими бриллиантами.

— И сколько это стоит?

Мой знакомый назвал приблизительную сумму, от которой у меня закружилась голова. И продолжил внимательно разглядывать сережку под лупой.

— На сережке видна запекшаяся кровь. Ее сорвали с уха какой-то женщины. Поэтому она и погнулась...

Возвращая мне драгоценность, приятель задумался.

— Я знаю, чья это сережка.

Я оторопел:

— Шутить!

— Это каждый знает. Она принадлежала Ксении Калопер. Месяц назад про нее писали все газеты. Ее убили и ограбили в Калемегдане. Знаешь, как

это делается: «Снимай, красавица, сережки, или отгрызу тебе ухо!» А она не послушалась. Если верить газетам, с нее сорвали сережки, сняли кольца с рук и одно кольцо с пальца на ноге, и все это было сделано очень грубо и быстро. Убийца спешил. Перстень с ноги был найден на месте преступления. Остальное не нашли...

— И что мне теперь с этим делать?

— Есть несколько возможностей, причем одна хуже другой. Можно обратиться в полицию, можно вернуть сережку семье покойной Ксении Калопер, можно продать ее мне, при условии, что я соглашусь ее купить, но во всех трех случаях тебе придется объяснять правоохранительным органам, откуда она у тебя взялась.

В отчаянии я положил сережку обратно в карман и решил опять про нее забыть. На некоторое время. Я уже выходил из магазина, когда приятель крикнул мне вслед:

— Во всем этом деле есть и хорошая сторона!

— Какая?

— Ты стал героем одного рассказа.

— Какого еще рассказа?

— Он называется «Чай для двоих», и его героем становится тот, кто нашел сережку, причем все равно где. Я недавно прочитал эту историю в какой-то газете. Постой-ка... вот она.

Из вороха газет он извлек одну, с вашим рассказом, и протянул ее мне. Вот так ваш «Чай для двоих» оказался у меня, и я его прочитал. А потом подумал, что и вправду могу пойти на свидание в «Вопросительный знак», и на всякий случай даже приобрел ненарезанный ключ. Но тут в моей жизни произошли перемены, которые воспрепятствовали осуществлению этих намерений.

Через две недели после того, как я прочитал «Чай для двоих», мне неожиданно предложили работу за границей, несколько месяцев меня не было в Белграде, я работал в Москве и не собирался уезжать оттуда, но внезапно, получив известие о смерти отца, был вынужден вернуться, чтобы похоронить его и вступить во владение квартирой. После похорон, разобравшись с остальными делами, я пришел в опустевшее отцовское жилище, набитое всякой рухлядью, которая утратила свои прежние запахи и приобрела один общий для всех вещей дух. Я таращился на окружавшие меня предметы и на самого себя в тусклое отцовское зеркало с дыркой и чувствовал, что в любой день человек хотя бы на миг может стать умнее. Потому что ежедневно каждый из нас незаметно для себя оказывается в полумиге до своего рождения и в полумиге после своей смерти. Между двумя этими мгновениями застыла почти неуловимая капля мудрости... С такими мыслями я лег в постель, но уснуть не смог. Проворочавшись всю ночь и так и не сомкнув глаз, я встал поздно. Посмотрел в окно, понял, что близится полдень, что на дворе весна, и достал висевший в шкафу старый пиджак, который я давно не носил. В кармане я нащупал какой-то ключ, вытащил его, попытался вспомнить, что им можно открыть, и с удивлением увидел, что на нем нет резьбы. Тут я, разумеется, вспомнил, что это ключ, приготовленный для свидания в ресторане «Вопросительный знак», и что я так и не успел проверить, действует он или нет. В другом кармане, как вы догадываетесь, лежала золотая сережка с бриллиантами.

Вдруг мне пришло в голову, что столь необходимую мне в этот момент чашечку кофе я мог бы выпить как раз в «Вопросительном знаке», и направился прямо на улицу Короля Петра. Стояла теплая погода, терраса оказалась заполнена посетителями, не было ни одного свободного места. Я заметил девушку, которая сидела за столиком одна и пила чай. На ней были туфли — одна черная с белым каблуком, а другая белая с черным каблуком. Рядом с ее чашкой лежала сережка. Золотая, с тремя сверкающими камнями. С тремя бриллиантами. Я оцепенел. Точно такая же лежала в моем кармане. Я подошел, положил на стол ключ и сказал:

— Добрый день, я Аристин, вы мне позволите присесть?

— Так я и поверила, — ответила девушка, — теперь таких имен не бывает. Думаю, что ты врешь, но можешь сесть, раз свободных мест нет. Пей свой кофе и топай отсюда.

Я сел, заказал кофе и предпринял еще одну попытку. Я спросил ее:

— Хотите, я вам расскажу, что мне сегодня приснилось?

— Давай, если не лень. Все равно время даром тратим, — согласилась она.

И тогда я начал рассказывать ей сон, который был описан в «Любовном напитке»:

— Мне снится, что я лежу в какой-то кровати. Надо мной деревянный потолок, а к нему прикреплен четырехугольный стол, накрытый к обеду. Кажется, что он приколот гвоздями к вывернутому наизнанку дощатому полу...

— Опять ты врешь. Я по глазам вижу, что ты всю ночь не спал. А если ты не спал, то как мог видеть сон?

После этих слов я решил встать из-за стола, но тут она спросила:

— А где у тебя сережка?

— Что-что? — растерялся я, а сам принялся шарить рукой в кармане, хотя понимал, что пока еще ни в коем случае нельзя показывать ей сережку. В конце концов, не зная, что сказать, я спросил: — Какая сережка?

Не сомневаюсь, что, пока я расплачивался за кофе, на моем лице висела бумажная улыбка, но девушка не сдавалась:

— Что значит «какая сережка»? Та самая, которая является условием, чтобы стать героем рассказа «Чай для двоих» и прийти сюда. Поздравляю! Это твой третий обман за сегодняшний день. Ты соврал, даже не дочитав рассказ до конца! Ты даже не нашел сережку...

Я рассмеялся и снова сел за стол. С тех пор мы виделись каждый день. С утра, когда я уходил на работу, она оставалась в моей квартире одна. Нетрудно было заметить, что в мое отсутствие она лазает по ящикам. Ищет бриллианты. Позавчера я наконец показал ей сережку. Я сказал, что купил ее для своей сестры, которая будто бы всегда носит серьгу только в одном ухе. Я был уверен, что она и ее вероятный сообщник, убийца из Калемегдана, теперь выдадут себя какими-либо поспешными действиями, опасаясь, как бы только что обнаруженная у меня сережка не уплыла к кому-нибудь еще. Теперь я мог застать их врасплох и передать в руки закона...

Вот что поведал мне мой собеседник. Мы сидели, пили кофе и молчали, и тут он показал рукой на девушку, поднявшуюся на террасу. Ее рот был накрашен черным блеском для губ, а собранные в пучок волосы на голове украшала серебряная шпилька с зеленым стеклянным шариком. Одна туфля была черная с белым каблуком, а другая белая с черным каблуком...

Белый шаг, черный шаг и снова белый шаг, черный шаг. А потом — совершенно особая тишина. Соленая тишина, если можно так выразиться. Он встал, они поцеловались, и пока все смотрели на их поцелуй, она пожала ему руку, хотя в это время обе его руки обнимали ее за плечи. Потом она повернулась ко мне и представилась:

— Асенета. Видно, что в течение жизни вы выбросили больше шляп, чем я успела купить. Вы были правы. Этот ваш напиток действует. Каждая большая любовь начинается с трех маленьких обманов...

Потом девушка положила передо мной на стол коробку мужских конфет с виски «La Rochelle de Luxe».

— Это вам, — сказала она, — но у меня к вам два вопроса, профессор. Этот ваш любовный напиток, чай для двоих, он и на вас оказывает действие? И второй вопрос. Можно ли считать маленьким обманом то, что в будущем станет большой правдой?

— Безусловно, — ответил я.

— Почему бы вам тогда тоже не выпить немного того любовного напитка, которым вы нас так щедро угощаете?

Я засмеялся, они попрощались со мной и ушли в обнимку, а я вместо кофе заказал чай из мяты и тмина. Как будто я жду кого-то на чай для двоих. Я открыл газету «Глас общества», оставленную на столе Аристином, и прочитал, что в этот день, ранним утром, я умер.

* * *

Дорогая моя читательница и дорогой мой читатель, кем бы ты ни был, ты догадаешься, что мои слова в конце этой книги не что иное, как мое признание в любви к тебе. Мой третий маленький обман, который в будущем станет правдой.

Ведь каждая великая любовь начинается с трех крошечных обманов.

Зеркало с дыркой

События происходят перед Манаковым домом, улица Гаврилы Принципа, 5, а потом в зеркале с дыркой

ЗЛОПАМЯТСТВО, или ГНЕВЛИВОСТЬ, — последний в этом перечне смертных грехов. Злопамятных у Данте нет ни в «Аду», ни в «Чистилище», возможно потому, что по большей части вся «Божественная комедия» может восприниматься как некая сумма зла, накопившаяся в памяти человечества за всю его историю. На картине Иеронима Босха гневающиеся изображены в виде слонов. У Шагала на астрологической ладони с семью пальцами злопамятству соответствует второй мизинец, считая справа налево. Этот палец указывает на планету Сатурн.

Привет! Спорим, знаю, что ты сейчас делаешь! Читаешь книгу. А может быть, братишка, тебе не стоило бы ее читать, ведь здесь, в книге, льет дождь. Льет как из ведра. Но если ты все-таки решил прочитать этот рассказ, лучше всего взяться за него осенью, причем поздней, когда уже пахнет снегом. Потому что тебе в любом случае заходить в него придется под проливным дождем, а выходить в метель.

И вот еще что. Заходя сюда, тебе, приятель, не следует иметь при себе никаких ценных вещей, таких, например, как дорогие часы или золотой перстень. А почему, даже слепой увидит. Ведь дело происходит на барахолке. Барахолка тянется вниз по склону к берегу Савы — от рынка «Зелени венац» к пристани и до Манакового дома на улице Гаврилы Принципа.

«Зачем мне в дождь идти на барахолку?» — спросишь ты, и ответ будет прост: «Кому надо — пойдет, кому не надо — не пойдет. Что он, дурак, что ли? А ты можешь выбирать. Не хочешь, закрывай эту книгу, где, как и сам видишь, льет, словно перед потопом, и иди гулять туда, где светит солнце, предпочитающее, по всей видимости, пребывать за пределами этой обложки».

Что случилось? Неужели ты выбрал ливень?

У Манакового дома, там, где ты сейчас оказался, какой-то тип в мокрой шляпе, с двумя сушеными рыбинами, привязанными к ногам вместо ботинок, торгует полуразвалившимися пианино, купленными за бесценок на Украине и привезенными в Белград. А рядом с ним какая-то девушка продает «умные носки» с пальцами, которые в зависимости от ситуации согревают, охлаждают или меняют цвет. Так как носки эти женские и к тому же одноразовые, ты отворачиваешься от них и переводишь взгляд на зеркало с дыркой, которое предлагает та же самая девушка. Она красива, глаза ее напоминают васильки, плавающие в богоявленской воде, а зеркало из-за дождя совсем запотело, и бедняжка все время вытирает его то какой-то жалкой бумажной салфеткой, то своими чудесными волосами. Настоящими русскими волосами. Под дождем они закудрявились. Ты любишься на нее, и душе твоей больно смотреть, как она растрчивает волшебную красоту своих локонов, а девушка думает, что ты сейчас, бог даст, купишь у нее зеркало и она совсем скоро сможет уйти из-под этого ливня куда-нибудь, где посуше...

— Зеркало бракованное, оно с дыркой, — говоришь ты так, будто заинтересовался ее товаром.

— Это в нем самое ценное, — отвечает девушка и, просунув в дырку кусочек веревки, а потом продев в петлю палец, придерживает зеркало так, чтобы ты мог в него посмотреться.

— Дырка — самое ценное? Может, ты продашь мне дырку без зеркала?

— Я такими вещами не занимаюсь. Как вам не стыдно, господин.

— Откуда ты тогда знаешь, сколько стоит дырка?

— Знаю, к сожалению. Из всех, кому принадлежало зеркало, никто, кроме меня, никогда не заглядывал в эту дырку. Дырка получилась там, где сфокусировалось отражение.

— И что ты там увидела?

— Лучше не спрашивайте.

— Значит, если я куплю зеркало, мне нельзя будет посмотреть в дырку?

— Ни за что на свете.

Что ты теперь сделаешь — вернешься домой без зеркала и мокрый как мышь или по дешевке купишь его под дождем, хотя тебе не нужны ни зеркало, ни дырка в нем? Ответ, разумеется, прежний: кому надо — купит, кому не надо — не купит. Тот, кому не надо, вернется домой без зеркала с дыркой. Значит, не подходит ему ненастье, не подходит и этот рассказ.

Но если ты купишь зеркало, то, конечно, принесешь его домой и сразу заглянешь в дырку, не зря же ты трудился. И вот заглянешь ты в эту дырку, ничего не увидишь, плюнешь, выругаешься и ляжешь спать, думая о том, что выкинул деньги на ветер. А утром начнешь бриться перед новым зеркалом, намажешься пеной, проведешь бритвой по щеке, как обычно, и вдруг увидишь, что в зеркале никто не бреется. Там сидит и причесывается какая-то хорошенькая девушка. Вроде бы та самая, что продала тебе зеркало.

— Что ты делаешь в моем зеркале? — спрашиваешь ты.

— Не я в вашем, а вы в моем.

— И что все это значит?

— Подождите немного и увидите.

— Чего же я должен ждать?

— Ну, например, подождите, пока не проголодаетесь. Потому что в моем зеркале нельзя есть, пока я сама не начну завтракать.

Тебе, естественно, такой разговор надоедает, ты машешь рукой, зеркало-то негодное, по крайней мере для бритья, вытираешь пену полотенцем и хочешь уйти из комнаты, но не тут-то было. Оказывается, ты заперт. Ты колотишь в дверь, колотишь по зеркалу, кричишь в дырку, но все бесполезно. Ты можешь двигаться только по отраженной в зеркале части квартиры. А в зеркале отражается всего-то кусочек ванной, дверь комнаты, скорее всего спальни, входная дверь и одна книжная полка. Под полкой стоит диван, а перед Полкой виден угол обеденного стола. Чужая квартира... к тому же маленькая — сразу видно, сколько движений она может вместить в течение часа.

Через некоторое время девушка возвращается и приносит на подносе кофе и два рогалика с ореховым медом.

— Это я на ваши деньги купила, — говорит она и начинает есть, и вам теперь тоже удастся утолить голод. Девушка пьет из мужской чашки со щитком для усов. Выпив кофе, показывает на чашку и спрашивает: — Знаете, что это такое? — И добавляет, не дождавшись ответа: — Если знаете, значит, читали Джойса, а если не знаете, не читали!

— Ты собираешься меня отсюда выпустить? — прерываешь ты ее рассуждения.

— Это от меня не зависит. Как вы можете выйти из зеркала, в котором вас нет? Разве что ночью, когда я сплю, если мне приснится, что вы вышли на улицу...

И следовательно, ты остаешься в комнате. Если это можно назвать комнатой.

Вечером она снова возвращается в квартиру, то есть в зеркало. Ты видишь, как она входит, как снимает блузку, будто тебя здесь нет, будто ты не существуешь. Душится духами «Чайная роза», красит сиреневой губной помадой обе свои груди, затем вырывает из головы два волоса, делает на каждом петельку, надевает их на свои соски и затягивает узлом. Соски разбухают, и она от удовольствия улыбается. Потом надевает белое платье, через которое ее грудь просвечивает, как два спелых плода. А в довершение всего укладывает волосы так, что они становятся похожи на крендель с изюмом из дрожжевого теста.

— Ну что, хорошо я выгляжу? — спрашивает она тебя, выключает свет и выходит из комнаты, оставив тебя в темноте.

Ты, конечно, ложишься на диван подремать. Что тебе еще остается делать?

Она возвращается около полуночи, скидывает платье и отправляется в наполовину отраженную в зеркале ванную комнату.

Потом она исчезает в спальне. Наверное, ложится спать.

Ты тоже решаешь еще немного поспать, но тебе мешает ее сон, хотя ты и не видишь, как она спит. Ты чувствуешь то, что снится ей там, в зеркале, за дверями спальни. А снится ей что-то на русском языке. На плохом русском языке. И это мешает тебе уснуть.

На следующий день она никуда не идет. Садится и обращается к тебе:

— Давайте немного поболтаем о бывших владельцах этого зеркала с дыркой. И об их судьбах. Где только это зеркало не висело, чего только не видело! Оно, например, видело все семь смертных грехов. Гордыню, прелюбодеяние, злопамятство, неумеренность в еде и питье, зависть, сребролюбие и праздность. Грехи эти смертельно опасны, потому что мы их почти не замечаем, когда грешим. Они выглядят совсем безобидными, кажутся частью человеческой натуры, а вовсе не грехами. В действительности же именно они являются источником всех остальных грехов... Вот вы, например, олицетворение праздности. И вам будет это доказано, только наберитесь терпения. Я не уверена, что сумею рассказать вам все по порядку, но все же лучше слушать меня, чем сидеть одному в темноте.

Тут глаза девушки стали совсем прозрачными, и она начала свой рассказ.

— Это зеркало далеко не всегда было самым собой. Когда-то давно оно было прудом с крохотным островком возле берега и лишь ночами напоминало оброненное в траву зеркало с дырочкой, в котором отражалась луна.

Если мы двинемся дальше, то попадем в дом под Савским мостом. Когда зеркало висело там, по адресу Черногорская улица, дом восемь, который принадлежал Димитрию Перовичу, оно было иконой. Иконой Богородичного Источника. И как говорят, чудотворной. Эта икона принесла счастье и исцеление одной белой цыганке, красавице, которая гадала женщинам по ступне, а мужчинам по пеплу из трубки. Исцелившись, цыганка подарила зеркало, то есть чудотворную икону, церкви. Во время войны церковь сгорела, краски на иконе потекли, а под ними оказалось зеркало, которое даже не треснуло. Какой-то ребенок нашел его на пепелище и принес домой, отец зеркало отчистил и продал, теперь оно уже не было иконой, теперь, как и раньше, оно было просто зеркалом с дыркой.

Люди говорят, что некоторое время зеркало висело в сновидениях студентки Даласены. Она была немного не в своем уме и поэтому ездила по разным монастырям и просила, чтобы там написали ее житие. Зеркало с дыркой висело в ее снах до того дня, пока у нее не убили ребенка. После этого зеркало угасло, и в сновидениях осталась только дырка...

А другие люди рассказывают, что дырка вбирала в себя звуки и разговоры, вливавшиеся в нее из того, что отражалось в зеркале. Когда зеркало с дыркой висело в столовой так называемого Дома, выкрашенного чаем, по улице Карагеоргия, сорок четыре, оно маскировало вделанную в стену акустическую воронку. Воронка была устроена таким образом, что каждое слово, произнесенное в столовой Дома, выкрашенного чаем, можно было услышать в соседнем здании, а про эту столовую рассказывали, что на ужин туда иногда приглашали покойников... Говорят, что, когда такие дела стали достоянием гласности, зеркало обменяли на какую-то птицу, а на стене осталась только акустическая воронка. Как бы то ни было, но сейчас мы с вами слышим друг друга только благодаря дырке в зеркале, и наши слова проходят через нее и в ту и в другую сторону. Одним словом, на этом немом зеркале есть говорящая дырка...

Рассказывая все это, девушка с русскими волосами сидела, откинувшись в кресле, под лампой, и внимательно смотрела на то, что было у нее в руках.

— Что это ты делаешь? — перебил я ее.

— Сами видите, не слепой. Вышиваю.

— Что же ты вышиваешь?

— Любовное послание.

— На платочке?

— Да, на платочке.

— Для кого?

— Для вас, конечно, для кого же еще?

Потом, когда работа была закончена, она прикрепила платок так, чтобы в зеркале со своей стороны ты смог прочитать ее послание. Слова были написаны задом наперед, и разобрать первую строчку удалось с трудом:

ябюл юавишы в котал я

Когда же стало ясно, что читать нужно справа налево, ты прочел ее признание в любви:

Я платок вышиваю любя. Эта вышивка, Влад, для тебя. Сливы сладкой ты мне набери, Буду вечно тебе я верна, А умру — не моя в том вина... Ничего нет труднее любви, Мой платок навсегда сохрани.

— Кто он тебе, этот Влад? — спросил ты ее.

— Как кто? Вы и есть Влад. Я же вам ясно сказала, что пишу любовное письмо вам. Каждого, кому пишут любовное письмо, зовут Владимиром.

— А как зовут тебя? — спросил ты.

— Меня можно было бы звать Марией.

— Ну хорошо, Мария, я хочу у тебя кое-что спросить. Я заметил, что ты каждое утро причесываешься перед этим зеркалом с дыркой. Ведь правда?

— Правда.

— Значит ли это, что ты себя в нем видишь?

— Разумеется вижу, как же иначе?

— А меня в зеркале с дыркой ты не видишь. И не знаешь, как я выгляжу, да?

— Да, правда, вас я не вижу. Вас я могу только слышать через дырку.

— Как же ты пишешь любовное письмо тому, кого ты не можешь видеть?

— А любовные письма как раз и пишут тому, кого нет рядом и кого нельзя увидеть.

Что тут странного?

— Все тут странно. Ну, Мария, и что теперь будет? Что мне делать, невидимому, запертому и отделенному от тебя стеклом?

— Это не моя забота. Читайте. Видите, здесь есть книги. Их и читайте. В следующий раз я вам оставлю свет включенным.

Действительно, на полке в зеркале стояли книги, и ты невольно обратил внимание на то, что некоторые из них были видны, а это значило, что ты можешь до них дотянуться рукой. Там стояли один Ильф и Петров, два Пушкина, книга «Двести домашних растений» и мемуары де Голля в четырех томах.

— Я спрашиваю не об этом, — сказал ты.

— Вы спрашиваете, как выбраться из зеркала? Ничего сложного. Если в книге, которую вы читаете, пойдет снег и в это же самое время начнет падать настоящий снег на улице, вне зеркала, вы свободны. А до тех пор придется нам с вами вот так беседовать... Ну а теперь — спать!

* * *

На следующий вечер девушка опять села около лампы и продолжила свой рассказ о владельцах зеркала с дыркой. И ты слушал, хотел ты того или нет. Ведь ты был одним из них.

Самой необычной была история про любовников. Началась она с того, что сравнительно недавно зеркало принадлежало одному старику. У него был сын, который работал в России. Старик неожиданно умер, и зеркало перешло к его сыну. Но вскоре не стало и сына — его убила любовница, причем убила из-за золотой сережки с бриллиантами. Произошло это скорее всего в тот момент, когда он спал.

Она вонзила ему в ухо свою серебряную булаву для волос. Эту женщину так и не удалось поймать, а мужчину нашли в кровати пришпиленным к подушке, словно жука, и обескровленным, а за ухом у него виднелся конец иглы с шариком из зеленого стекла. Потом зеркало, вместе с другими вещами из этой квартиры, было за бесценок продано на барахолке...

Тут девушка остановилась и добавила:

— Вы, наверное, не верите во все эти глупости про дырку в зеркале. Какой вы

наивный! Неужели вы не понимаете, что на всем белом свете нет зеркала, которое не видело бы все семь смертных грехов? Не понимаете, что попали сюда только потому, что сами того захотели, ведь вам интересно, что происходит в спальне и чем занимается обладательница васильковых глаз, то есть я. Поэтому вы до сих пор и находитесь в заточении. Неужели вы этого не понимаете? Вы заперты вовсе не в зеркале, вы вместе с зеркалом и его дыркой заперты в этой книге. И можете идти только туда, куда разрешает книга. Итак, расставим все по местам: вы находитесь не в зеркале, а в рассказе. Вы сидите здесь добровольно и, пока не кончите читать, не выйдете из рассказа. И из зеркала в нем. Почему вы так поступаете, понять нетрудно. Каждый человек всегда и везде пытается хоть чуть-чуть понять, кто он такой. Вот и вы сейчас пытаетесь это сделать. Всякое чтение — это попытка узнать, кто ты есть на самом деле. Ну что же, я вам скажу.

Вы, должно быть, слышали о том, как великие скрипачи перед выступлением отрабатывают технику. Скрипач, к примеру, знает наизусть концерт для скрипки с оркестром Чайковского, но этого ему мало. Чтобы усовершенствовать работу пальцев, добиться, чтобы движения стали автоматическими, он делает особое упражнение. Ставит на пюпитр какую-нибудь книгу — повесть или роман. И, шпаря по памяти Чайковского, одновременно читает «Мертвые души» Гоголя или что-нибудь из Достоевского. И так он читает, пока не закончит концерт, а как закончит играть, закрывает книгу и даже не смотрит, где остановился. Книга ему больше не нужна. Вот об этом я и собираюсь вам рассказать, ведь на свете немало людей, которые читают книги только до середины; думаю, что в какой-то степени к ним относитесь и вы.

Итак, испокон веков существует особый вид повествования и, соответственно, особая порода читателей. Речь идет о недосказанных историях или недочитанных рассказах и о людях, которые бросают книги на полпути. В основном из-за того, что ленятся. Такие истории отличаются от остальных рассказов и книг. Словно несостоявшаяся любовь, они продолжают парить где-то в воздухе. Как образ, явившийся во сне, может быть составлен из разных существующих наяву личностей, так и эти истории в сознании читателей, которые их не дочитали, или зрителей, которые не досмотрели фильм, имеют бесконечное число разных возможных финалов. Эти непостижимые и незавершенные окончания описанных кем-то судеб парят в пространстве между воспоминанием и будущим и создают особую энергию, которая на бессознательном уровне постоянно оказывает воздействие на братство читателей неразгаданных книг.

Существует предание о том, что в Белграде, на улице Светозара Радича на Савском склоне, висело зеркало с дыркой, которое не отражало таких ленивых читателей. Они исчезали в зеркале и не появлялись в нем до тех пор, пока не дочитывали до конца брошенную ими книгу. Говорят, что наше зеркало с дыркой как раз и есть зеркало, висевшее в доме на той улице. Читатель, желающий вновь появиться в зеркале, должен вспомнить хотя бы одну недочитанную им книгу и закончить ее чтение. Предполагаю, что и вы один из таких ленивых читателей. В этом зеркале вашего отражения нет, и нет его скорее всего потому, что когда-то вы совершили ошибку, не дочитав до конца ту книгу, которая была очень важна для вас, для всей вашей жизни, хотя сами вы для этой книги не имеете ровным счетом никакого значения. Кто знает, может быть, в каком-то рассказе вы совершили убийство или в какой-нибудь другой книге давно уже женаты, но вы ничего об этом не знаете, потому что не дочитали историю до конца. Возможно, ваша законная жена ждет вас в какой-то недочитанной повести или угрожает вашей жизни в каком-нибудь романе, потому что вы нанесли ей обиду. Если поймете, какую важную для вас книгу вы когда-то бросили на середине и теперь дочитаете ее до конца, то не исключено, что вам удастся отгадать загадку зеркала и его дырки, разгадать, кто вы и кто я, потому что на самом деле эта дырка вовсе не в зеркале, эта дырка в вас...

Но будьте осторожны! Человеческое сознание может играть само с собой. И например, может случиться, что в каком-то рассказе, давно оставленном и недоконченном, вы встретитесь с героиней совсем другого рассказа. Со всеми вытекающими отсюда

последствиями...

Пока Мария произносила эти слова, в комнате вдруг стало светло. За окном закружился снег. Ты хорошо видел это со своего стула. Ты сразу вспомнил, какую книгу надо читать во время метели. Пушкина! Пушкина читают зимой. Время пришло. Ты жадно схватил с полки книгу. Оказалось, это издание 1967 года в потемневшем картонном переплете, перевод Божидара Ковачевича, с множеством рисунков Пушкина. Один из них был вырван, на предпоследней странице имелась запись фиолетовыми чернилами: «Собственность Я. М.». Японская металлическая закладка в форме сабли в конце повести «Пиковая дама». И каракули на тридцать восьмой странице: «Как только искупаешься, будешь проклята, если не вернешь книгу ее владелице, молодой госпоже Т. О.».

Итак, ты раскрываешь книгу и начинаешь читать повесть Пушкина «Метель» точно с того места, где ты когда-то прервал свое чтение:

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летали белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления...

Ты тоже старался не потерять направления во время чтения. Из этой метели скорее в другую! Ты бросил книгу, открыл дверь и вышел под снег на улицу перед своим домом. Ты наконец был свободен.

Что случилось потом? Что ты сделал? Ты сделал то, что было нужно. Ты добровольно вернулся назад и без труда вошел в спальню. Там сидела Мария *с книгой в руках и в белом платье, настоящей героинею романа...*

* * *

Ты настолько вжился в «Метель» Пушкина, что, естественно, не заметил, что твоя Мария из зеркала, в отличие от Марии пушкинской, совсем даже и не русская. Она скрывается в твоей квартире и в этой книге под чужим именем, потому что ее разыскивает полиция, а ее внешность соответствует описанию разыскиваемой преступницы. Она красит губы черным блеском, который так хорошо сочетается с ее туфлями. А эти туфли — нечто совершенно особое: у белой — черный каблук, а у черной — белый. Углубившись в чтение, ты не замечаешь, что твоя Мария носит в ушах пару золотых сережек с тремя сияющими бриллиантами в каждой. И любит вонзать свою серебряную шпильку для волос глубоко в уши неосмотрительным любовникам, падающим к ее ногам.

В это время Мария (не пушкинская, а твоя, из зеркала с дыркой) прижимается к твоей груди, гладит твое ухо и шепчет:

— Ну а сейчас, как и обещала, я открою вам, кто вы такой. Вы тот, у кого чеснок в ухе, голова в сумке, а разум за морем, вы тот, кто спрятал свою золотую монету в буханке хлеба и пустил хлеб вниз по реке. Это благовещение, а вы тот архангел, который принес мне благую весть из другого, вашего мира. Прочитайте это слово вслух, и вы оплодотворите меня через ухо... А теперь открою вам нечто и об авторе, написавшем этот рассказ. Раньше, возможно, он мог предугадать все на семь шагов вперед, но сегодня — едва ли на пять. Поэтому вы его не слушайте. Он говорит ерунду, а меня готов винить и за истину Божью. Честно говоря, он меня знает, но и я знаю его, еще с нашей встречи в ресторане «Вопросительный знак». Писатель думает, что он вне игры, что, когда он за своим письменным столом прячется за свое перо, ему не угрожает никакая опасность. Но это не так. Когда окажется, что предложение, которое вы читаете, оборвалось на полуслове, знайте, что писателя больше нет, что он получил по заслугам, что кто-то и ему спутал карты и что пришел его судный день...

И тут на лице Марии заиграла улыбка. Та единственная, которая у нее была. И тогда я,

автор этих строк, написал, что душа самого последнего тупицы мудрее, чем...